

АЛЕКСЕЙ НЕБОХОВ

ИЗЪЯТИЕ

18+

В твоём молчании

Алексей Небоходов

Изъятые

«Автор»

2026

Небоходов А.

Изъятые / А. Небоходов — «Автор», 2026 — (В твоём молчании)

Знаете, чем отличается советский карьерист от маньяка? Ничем. И те, и другие действуют по плану и свято верят, что жертва сама виновата. Максима Сретенского единогласно избирают на руководящую должность. Почему его? Потому что на эту должность всегда назначали того, кто не умеет сказать «нет». Бледный, заикающийся, невидимый — идеальный кандидат. Его начальница Мария Шлацкая холодная, красивая, безупречная. Она вытирает о Максима ноги, а он приходит за добавкой. А потом молодой человек похищает её и запирает в подвале дачи. На двадцать лет. За это время развалится страна, сменятся три президента, появится интернет — а Мария будет сидеть сначала в подвале, а потом в комнатухе без окон. Самая страшная тюрьма — не та, что с засовом. А та, из которой некуда идти.

© Небоходов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Незаметный человек	5
Глава 2. Восхождение	15
Глава 3. Одержимость	26
Глава 4. Цепочка	35
Глава 5. Точка невозврата	45
Глава 6. Поиски	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алексей Небоходов

Изъятые

Глава 1. Незаметный человек

Нет ничего бессмысленнее ссор между теми, кто, казалось бы, должен любить друг друга. В домах, где не смолкают скандалы, вырастают дети, которые клянутся не повторять судьбу родителей — и с маниакальным упорством её воспроизводят. Общая, стыдливо замалчиваемая ненависть оказывается прочнее любой близости.

Максим понимал это задолго до того, как научился читать. Слышал по дрожи пола и хлопкам двери, когда ссора вот-вот перейдёт в тяжёлое молчание. В такие моменты их злость целиком доставалась ему — стоило взрослым перейти черту, и начинались крики, от которых перехватывало дыхание.

Он давно не верил, что родители способны разговаривать без угроз и издёвок. Мать, Елена, обсуждала всё в таком тоне — от цвета лака на ногтях до насмешек над зарплатой мужа. Отчим отмалчивался, прячась от скандалов на кухне за газетой. Максим не вмешивался — только тревожно прислушивался: угадывал настроение родителей по скрипу дверей, по звуку шагов, по запаху духов или перегара. Безошибочно знал, когда мать швырнёт банку кофе, и когда наступит молчание хуже любого крика.

По утрам казалось, что всё устаканилось: забывались вчерашние проклятия, за крепким чаем и растворимым кофе возвращалось обычное равнодушие друг к другу. Если он просыпался без синяков и чувства унижения — значит, ночь прошла. С детства он был уверен: так живут все, в сотнях таких же квартир Москвы каждый вечер звучат те же интонации и те же упрёки. Лёжа на узкой койке и глядя на серый рассвет, Максим ждал тишины — только после наступления шаткого «перемирия» можно выскользнуть из дому незамеченным.

— Опять за своё? Сколько можно?! — голос матери звучал устало и раздражённо, как всегда.

— А ты что хотела? Чтобы я молчал, когда деньги утекают неизвестно куда? — отчим неизменно говорил о деньгах. Деньги занимали его целиком — чужие долги, свои недополученные, вечная убеждённость, что ему причитается больше.

Максим встал с постели, стараясь не потревожить скрипучие пружины. Натянул потёртые джинсы и застиранный свитер — всё висело свободно на худом теле. Ему так и было нужно — не привлекать к себе внимания.

Квартира в Гольянове — типовая двушка в шестнадцатизэтажке — с каждым годом казалась всё меньше. Семь лет назад, после второго замужества матери, здесь пахло свежей краской, потолки были выше, кухня — просторнее. Теперь в квартире стало неуютно, и дело было не в мебели.

Он приоткрыл дверь своей комнаты-кладовки, где едва помещались кровать и стол. Половину пространства занимали коробки отчима с запчастями и журналами «За рулём».

В коридоре стоял дух вчерашнего борща и сигарет. Максим прошёл к ванной, ступая вдоль стены, где половицы меньше скрипели. Выучил квартиру наизусть — где скрипит, где заедает дверь, где гулко отдаётся шаг.

Ледяная вода ударила по ладоням. Умылся, стараясь проснуться окончательно — снилось опять одно и то же: техникум, все смотрят, а он не может вымолвить ни слова. В зеркале — бледное лицо с тёмными кругами под глазами и непослушными вихрами. Восемнадцать лет, а на вид — не больше пятнадцати.

Почистил зубы, вытерся полотенцем, пахнущим «Лотосом», и вышел. На кухне скандал утих, но в воздухе витало глухое недовольство. Звякали ложки о чашки, шуршали газетные страницы, бормотало радио.

— И что с ним делать? — донеслось до Максима, когда он застыл в проходе, прислушиваясь. — Сколько ни говори — всё без толку.

— А что ты хочешь? На нормальный институт не потянул, вот и пошёл в этот как его, — отчим демонстративно забывал название его техникума, хотя наверняка помнил прекрасно.

— Библиотечный, — устало подсказала мать. — Не самое плохое место. Работа чистая, не то что у тебя на заводе.

— Работа для баб, — отрезал отчим, и Максим почувствовал, как щёки загорелись знакомым стыдом.

Мог бы стоять так и дальше, слушая, как его жизнь обсуждают, будто речь о неодушевлённом предмете, но время поджимало. Максим набрал полную грудь воздуха и открыл дверь в кухню, стараясь занять как можно меньше места.

— Доброе утро, — сказал он негромко, почти шёпотом.

Мать вздрогнула и повернулась к нему. На её усталом лице мелькнула короткая улыбка, напомнившая, что когда-то между ними было иначе — до переезда в эту квартиру, до второго замужества, до того, как она начала работать на двух работах и возвращаться домой с усталым, отсутствующим выражением лица.

— Доброе, Максим. Будешь завтракать? Я кашу сварила.

Отчим хмыкнул, не отрываясь от «Вечерней Москвы», развёрнутой во всю ширину стола, — каждое утро он прятался за заголовками о достижениях пятилетки и урожаях зерновых.

— Нет, спасибо, я уже опаздываю, — соврал Максим, хотя до занятий было ещё далеко. Торопливо отрезал кусок чёрного хлеба, посыпал солью и сунул в карман куртки, завернув в салфетку.

Мать вздохнула, но не стала настаивать. Между ними давно сложился молчаливый уговор: она не замечала, как сын избегает совместных завтраков, а он не слышал её плача по ночам.

— Шапку надень, — сказала она, когда Максим уже натягивал в коридоре старую ветровку, доставшуюся от двоюродного брата. — Холодно сегодня.

Он кивнул, не поворачиваясь, нашарил на полке серую шапку с растянутой резинкой и вышел, аккуратно притворив за собой входную дверь. Только на лестничной площадке Максим позволил себе выдохнуть.

Лифт, как обычно, не работал. Листок с надписью «НЕ РАБОТАЕТ» был прикреплён скотчем к створкам, но даже если бы и работал, Максим спускался бы пешком. В лифте можно встретить соседей, а это значит — необходимо здороваться, отвечать на вопросы, смотреть в глаза.

Спускался, перепрыгивая через ступеньку, огибая лужи у мусоропровода и задерживая дыхание на зловонных пролётах. Где-то гремела музыка, где-то плакал ребёнок, на третьем этаже вечно сонная соседка кормила стаю бродячих кошек, которые бросились врассыпную, едва заслышав шаги.

Промозглый октябрьский воздух ударил в лицо, когда Максим вышел из подъезда. Небо над Гольяновым было низким и серым. Деревья во дворе уже сбросили большую часть листвы, ветер гонял её по асфальту. Он натянул шапку пониже, накинул капюшон и двинулся к остановке.

Их район считался новым и перспективным — так, по крайней мере, говорила мать, когда они получили ордер на эту квартиру после семи лет ожидания в очереди. До этого ютились у бабушки на Преображенке, где отчим с матерью занимали отдельную комнату, а Максим обитал в бывшей кладовке — комнатухе без окон, с проёмами, заделанными фанерой и старыми газетами.

На деле «перспективный» район оказался бесконечными рядами однотипных шестнадцатиэтажек, между которыми не успели вырасти деревья, с грязными детскими площадками, поломанными качелями и отсутствием нормального магазина поблизости. До ближайшей станции метро приходилось долго трястись в переполненном автобусе, но Максим предпочитал выходить за пять остановок до конечной и идти пешком.

На остановке толпились люди — хмурые, в осенних пальто и куртках, переминавшиеся с ноги на ногу под порывами ветра. Женщина в красном платке прижимала к груди сумочку. Рядом мужчина в кепке сплюнул под ноги, бормоча что-то о расписании. Старушка с тяжёлыми авоськами теснилась между двумя мужчинами. Никакой очереди или порядка — только общее нетерпение в ожидании автобуса. Максим встал с краю, сгорбившись и прижав локти к бокам.

Когда автобус подошёл, толпа качнулась и бросилась к дверям. Максим не стал пробиваться, зная, что всё равно не успеет войти в первый рейс. Дождался следующего, забрался внутрь и занял место у окна. Стекло было мутным от конденсата, но если протереть его рукавом, можно было смотреть на медленно проплывающий город.

В Москве октября 1982-го всё двигалось медленно и выглядело неотличимо. Люди в одинаковых пальто шли по одинаковым тротуарам мимо одинаковых витрин — однообразие, которое разбавляли только красные полотнища советских плакатов. Трамваи звенели на поворотах, дребезжа старыми бортами, автобусы выпускали клубы чёрного дыма, а редкие «Жигули» и «Москвичи» пробирались сквозь утренние улицы.

Максим прикрыл глаза. В кармане лежал хлеб, но есть не хотелось. В животе было тяжело — так бывало каждое утро перед техникумом. В библиотечном техникуме на Щёлковском шоссе учились почти одни девушки, да и персонал — от директора до уборщицы — все женского пола, разного возраста, разных характеров, но с одинаковым отношением к немногочисленным мужчинам, оказавшимся здесь. Материнская снисходительность, профессиональное превосходство и лёгкая ирония — всё это Максим чувствовал на себе ежедневно.

За окном менялся пейзаж: окраина уступала место районам, более близким к центру. Дома становились ниже, но солиднее, вдоль улиц появлялись старые деревья, среди типовых панельных построек попадались дореволюционные здания.

Максим вышел из автобуса за пять остановок до конечной, как и планировал. До техникума оставался ещё большой отрезок дороги, который он проходил пешком и который ценил больше всего — можно было идти одному, думать и ни с кем не разговаривать. Шёл быстрым шагом, глядя под ноги, обходя лужи и не поднимая глаз на прохожих, будто если не смотреть на людей, они тоже тебя не заметят.

Тротуар был усыпан мокрыми жёлтыми листьями, которые прилипали к подошвам. Ветер усиливался, продувал куртку, и Максим всё глубже засовывал руки в карманы и втягивал голову в плечи. Миновал гастроном с очередью, вытянувшейся на улицу, — видимо, «выбросили» что-то дефицитное. Прошёл мимо книжного с томами классиков марксизма-ленинизма и детскими книжками в ярких обложках за стеклом. Свернул на Щёлковское шоссе, где шум машин стал громче, а воздух — тяжелее от выхлопных газов.

Чем ближе подходил к техникуму, тем неприятнее тянуло в животе. Он знал, что сегодня, как и прежде, будет сидеть в углу аудитории, стараясь быть незаметным. Знал, что девушки будут перешёптываться, бросая косые взгляды, а потом прыскать со смеху. Знал, что преподаватели будут вызывать его к доске чаще других — то ли из жалости, то ли из желания «расшевелить молодого человека». И знал, что слова снова откажут, когда придётся говорить перед группой.

Здание техникума показалось за поворотом — трёхэтажное, с облупившейся жёлтой краской. Максим на мгновение остановился, вдохнул поглубже холодный воздух и пошёл дальше, всё ниже опуская голову.

В коридоре стоял обычный гул женских голосов, который стих, едва Максим переступил порог. В наступившем безмолвии его шаги по вытертому линолеуму показались оглушительно громкими. Он сразу почувствовал на себе взгляды — десятки глаз, следящих за ним с тем особым вниманием, которое бывает у людей, готовящихся к развлечению за чужой счёт.

Стены были голыми, если не считать пятен от скотча и выцветших прямоугольников на месте стенгазет. Краска местами облупилась, обнажая предыдущий слой — грязно-зелёный, больничный. Потолок с трещинами и следами протечек был усеян тусклыми плафонами, от которых лица вокруг казались болезненно бледными.

Разговоры возобновились, но глуше, с теми осторожными интонациями, какие появляются у людей, обсуждающих того, кто рядом, но не слышит. Максим знал, что говорят о нём, хотя не мог разобрать слов. После года в техникуме каждый взгляд, каждый шёпот, каждый сдвоенный смешок были ему понятны.

Группа девушек стояла у входа в аудиторию, где вот-вот должно было начаться занятие по истории библиотечного дела. Пять или шесть фигур в форменных тёмно-синих платьях с белыми воротничками, с комсомольскими значками на груди — полукруг, который расступился, когда Максим приблизился.

Он намеренно замедлил шаг. Может быть, сегодня просто пропустят молча? Может быть, преподавательница истории уже внутри, и они не решатся? Но надеяться на это не стоило.

— Смотрите, как идёт, — громким шёпотом сказала Лариса, самая высокая и самая красивая девушка группы. — Вот так.

Она сделала несколько шагов по коридору, подражая походке Максима — ссутулившись, опустив голову, шаркая ногами. Остальные приснули, прикрывая рты ладонями, но не слишком усердно — так, чтобы он точно услышал.

— А говорит как, помните? — подхватила Наташа, круглолицая отличница. — Я это если можно простите

Тон стал прерывистым — пародия на его манеру речи. Она запинаясь, заикалась, старательно изображая ту мучительную неловкость, которая охватывала Максима каждый раз, когда приходилось отвечать перед группой.

Хохот стал громче. Кто-то из проходивших мимо старшекурсниц остановился посмотреть.

— Смотрите, наш библиотечный принц явился, — громко объявила Ирина, самая задиристая из них. Она носила волосы, неизменно собранные в хвост, который подпрыгивал в такт её словам. — Единственный мальчик на весь курс. Ой, девчонки, а вы знаете, что Маргарита Семёновна сказала о нём? Что он, может, и тихий, зато карточки каталожные так аккуратно подписывает — прямо находка.

Они захихикали, уже не сдерживаясь. Максим шёл мимо, не поднимая глаз, уставившись в трещины линолеума. Щёки горели, руки до боли сжимали потрёпанную сумку с учебниками. Между лопатками выступил холодный пот, рубашка прилипла к спине.

Аудитория, куда он вошёл, была пуста — до занятия ещё оставалось время. Вот почему Максим приходил раньше всех — чтобы занять место в самом дальнем углу, где стык двух стен создавал хотя бы видимость укрытия. До доски — через всю комнату, и всё же его вызывали отвечать чаще, чем любую из этих насмешниц.

Опустился на фанерный стул с потрескавшимся лаком и положил учебники перед собой, выровняв их края. Эта привычка — выстраивать вещи ровно — появилась ещё в школе, где аккуратность была единственным, за что не дразнили. «У тебя задатки идеального библиотекаря», — сказал как-то школьный военрук, и класс тогда долго смеялся, а Максим впервые подумал о библиотечном техникуме — месте, где, как ему казалось, ценят неприметных и аккуратных людей.

Аудитория постепенно заполнялась. Студентки входили группами по две-три, громко обсуждая новую песню «Boney M.», импортные сапоги, которые «выбросили» в ГУМе, или кого-то из общих знакомых. Рядом с Максимом никто не садился — вокруг него неизменно оставались свободные места. Он не знал, радоваться этому или огорчаться.

На стене висел портрет Крупской в тяжёлой раме, и её строгие зрачки были направлены прямо на Максима. Рядом — стенд с графиком дежурств, списком собраний и пожелтевшим листом с правилами поведения в общественных местах.

Маргарита Семёновна, преподавательница истории библиотечного дела, вошла в аудиторию своей обычной энергичной походкой. Ей было около пятидесяти — неизменный тёмный костюм с белой блузкой, маленькая камешка на воротнике, седеющие волосы уложены в тугий пучок, очки в тонкой оправе то и дело сползали на кончик носа.

— Итак, сегодня мы продолжим изучение истории становления библиотечного дела в Советском Союзе в послевоенный период, — объявила она, раскрывая журнал. — Но сначала проверим домашнее задание. Сретенский, к доске.

Конечно. Так он и знал. Максим медленно поднялся, чувствуя, как немеют ноги. Путь к доске казался бесконечным. За спиной зашептались, чужие взгляды давили в затылок.

— Расскажите нам о роли передвижных библиотек в послевоенном культурном развитии сельских районов, — сказала Маргарита Семёновна, глядя на него поверх очков.

Максим открыл рот, но не смог произнести ни слова. Всё, что знал наизусть, — а он неизменно тщательно готовил домашние задания, потому что это было единственное, в чём он не подводил, — не шло дальше горла. Он стоял у доски, чувствуя жар в щеках, онемение в пальцах, сжимавших мел.

— Мы вас слушаем, Сретенский, — в тоне Маргариты Семёновны звучало нетерпение.

Где-то сзади хихикнули. Кто-то шепнул что-то соседке, и та фыркнула.

— П-передвижные библиотеки, — наконец выдал Максим, — стали важным важным звеном в

Но дальше ничего не получалось. Стоял, глядя в пол, и молчание длилось невыносимо долго. В голове было пусто, хотя ещё вчера вечером он мог без запинки рассказать всё от начала до конца.

— Садитесь, Сретенский, — вздохнула Маргарита Семёновна. — Опять не готовы.

— Я готовился, — пробормотал Максим так тихо, что она даже не услышала.

— Кто может рассказать то, что не смог Сретенский? — преподавательница обвела аудиторию взглядом. Руки поднялись повсюду. — Иванова, пожалуйста.

Наташа Иванова, та самая круглолицая отличница, которая пародировала его в коридоре, вышла к доске уверенным шагом, с видом человека, знающего себе цену. Она начала отвечать — громко, чётко, без запинок, и Максим, опустившись на свой стул в углу, подумал, что таким и должен быть настоящий библиотекарь — раскрепощённым, общительным, способным выступать перед людьми.

Остаток занятия прошёл незаметно. Максим конспектировал лекцию Маргариты Семёновны, не вдумываясь в смысл. Мысли были далеко — он представлял себя в библиотеке, среди книг, которые никогда не издаются, не шепчутся за спиной и не насмеются над теми, кто не может быстро подобрать нужные слова.

К концу учебного дня он чувствовал себя вымотанным до дна. Впереди оставалось ещё одно — комсомольское собрание в актовом зале. Обычно Максим пропускал подобные мероприятия под любым предлогом, но сегодня явка была обязательной — сама директриса предупредила всех об этом на прошлой неделе.

Актовый зал был самым большим помещением в здании. Потёртые бархатные кресла стояли ровными рядами перед сценой, на которой располагался длинный стол под зелёным сукном. За столом сидели директор техникума Анна Николаевна, грузная женщина в тёмно-

синем костюме, и Олег Петрович, преподаватель общественных наук, единственный мужчина в педагогическом составе, не считая пожилого завхоза, который, строго говоря, к педагогам не относился.

В зале собрались все учебные группы техникума — около двухсот человек, почти сплошь девушки. Гул стоял такой, что Максим, проскользнувший на дальнее место в последнем ряду, поморщился. Слишком много людей, слишком много лиц.

— Товарищи! — Анна Николаевна постучала карандашом по стакану, призывая к порядку. — Объявляю комсомольское собрание открытым! У нас сегодня важная задача — нам нужно выбрать нового секретаря комсомольской организации техникума, так как товарищ Антонова заканчивает обучение в этом году.

Светлана Антонова, высокая блондинка из выпускной группы, поднялась на сцену. Её туфли на каблуках громко стучали по деревянному настилу.

— Товарищи, — начала она отрепетированным официальным голосом, — за два года работы секретарём комсомольской организации я старалась оправдать ваше доверие. Мы провели много мероприятий, собирали макулатуру для подшефной школы, участвовали в субботниках...

Она говорила ещё долго о своих достижениях, а затем перешла к сути:

— Теперь мне нужно сосредоточиться на дипломной работе, поэтому я слагаю с себя полномочия секретаря. Нам нужен человек, который продолжит нашу комсомольскую работу.

В зале затихли. Всем было ясно: руководство техникума уже решило, кто станет секретарём, а собрание — лишь формальность. Анна Николаевна встала, расправила плечи и оглядела притихший зал.

— Товарищи, слово имеет Катя Лукина, у неё есть предложение по кандидатуре.

Из-за кулис вышла Катя — первокурсница с идеально выглаженным воротничком и комсомольским значком на груди. В руках у неё подрагивал листок бумаги. Она поднялась на сцену и, оглядев зал, заговорила:

— Товарищи, есть мнение избрать секретарём Сретенского Максима.

По залу прошёл шёпот. Анна Николаевна кивнула. Максим, сидевший в дальнем ряду, вздрогнул — сердце в груди заколотилось часто и больно. Он с недоумением смотрел на Катю, которая уже спускалась со сцены, не глядя по сторонам.

— Отличная кандидатура! — хмыкнул кто-то рядом, и по рядам прокатился сдержанный гогот.

— Сретенский! — подхватила ещё одна девушка, делая вид, будто впервые слышит это имя.

Анна Николаевна поднялась, ища взглядом молодого человека:

— Товарищ Сретенский, вы согласны?

Все обернулись к Максиму. Он открыл рот, но слов не было. Внутри всё сжалось, тело онемело, губы не слушались.

— Молчание — знак согласия, — сухо констатировала директриса. — Кто за избрание товарища Сретенского секретарём комсомольской организации техникума, прошу поднять руки.

Руки взлетели по всему залу. В улыбках читалась насмешка: одни делали вид, что восторгаются, другие — что просто участвуют в бессмысленном спектакле.

— Единогласно, — провозгласила Анна Николаевна. — Поздравляю, товарищ Сретенский. После собрания получите у товарища Антоновой документы.

Оставшуюся часть заседания Максим почти не слышал. Сидел, сжав колени, чужие голоса доносились глухо, как из-за стены. Объявили что-то ещё, зачитали какую-то бумагу... Он поднял глаза, когда уже все расходились.

У выхода его ждали девушки, которые раньше не замечали его в проходе. Подошли со смехом, похлопали по плечу.

— Поздравляем, товарищ секретарь! — Лариса подняла воображаемый бокал.

— Да, теперь ты большой человек, — добавила Ирина, и всё это было настолько натянуто, что Максиму стало тошно.

— Будешь теперь каждый день в райком мотаться? — спросила Наташа. — Говорят, там строго.

— И отчёты писать, — подхватила Лариса, усмехаясь.

Их было слишком много — лица, интонации, фальшивое оживление. Максим попытался улыбнуться, но улыбки не получилось.

— Т-товарищ Антонова ждёт, — наконец выдавил он и, протиснувшись мимо девушек, поспешно пошёл к выходу из зала. За спиной веселились.

В галерее было тише и прохладнее. Максим прислонился к стене и закрыл глаза. Внутри боролись два чувства. Первое — неожиданная, почти болезненная радость. Его выбрали. Его! Впервые в жизни куда-то выбрали. Пусть даже на должность, которую никто не хотел, но всё же это было чем-то. Чем-то настоящим.

Однако второе чувство подавляло первое — ясное, ледяное понимание, что его выбрали не из уважения и не потому, что разглядели в нём способности. Его выбрали, потому что он был удобен: безропотный, покладистый, неспособный отказать. На него можно было свалить всю работу и ответственность, от которой остальные отказались.

— Эй, секретарь! — окликнула его Светлана Антонова. — Идём, я покажу тебе наше комсомольское хозяйство.

Максим обернулся. Светлана стояла у небольшой двери с табличкой «Комсомольское бюро». Она казалась единственным человеком, который не насмеялся над ним открыто, хотя в её взоре читалось, скорее, облегчение человека, избавившегося от надоевших обязанностей, чем подлинная доброжелательность.

Он глубоко вдохнул и направился к ней. Выбора у него не было. Как и прежде.

Здание райкома комсомола стояло на площади — четырёхэтажное, с высокой лестницей, ведущей ко входу и выцветшими знамёнами, вяло колыхавшимися на осеннем ветру. Максим остановился у подножия ступеней, посмотрел вверх и почувствовал, как учащается сердцебиение. Вчерашнее назначение секретарём, насмешливые поздравления и папка документов, полученная от Светланы Антоновой, казались нереальным сном.

По обе стороны от входа располагались массивные колонны, а между ними — гипсовый Ленин с вытянутой рукой. Максим поправил свой единственный приличный пиджак, вспомнив, как накануне до позднего вечера гладил рубашку и выбирал между коричневым и тёмно-зелёным галстуком — остановился на последнем. Задержал дыхание, выдохнул и поднялся по ступеням. С каждой подниматься было всё труднее, увереннее не становилось.

У тяжёлых дубовых дверей на мгновение замер, потом решительно потянул за бронзовую ручку. В вестибюле пахло мастикой, табачным дымом, бумажной пылью и дешёвым одеколоном. Каждый шаг гулко отдавался в мраморном пространстве, а со стен смотрели портреты членов Политбюро.

Стойка вахтёрши — сухонькой старушки с причёской из шестидесятых — находилась слева.

— Здравствуйте Мне к товарищу Шлацкой, я из библиотечного техникума, по отчётам, — запнувшись, выговорил он.

— Третий этаж, кабинет 316. Лестница туда, — показала старушка пальцем, не отрываясь от своих листов.

Максим пробормотал «спасибо» и направился к лестнице, стараясь не оглядываться на людей с папками и портфелями, которые проходили мимо туда и сюда — твёрдо, уверенно, словно имели на это право.

На третьем этаже коридор, выкрашенный в бледно-зелёный цвет, вёл к двери с табличкой «316». В приёмной с такими же зелёными стенами и стеклянным шкафом сидели трое: секретарша за столом с печатной машинкой, юноша в кителе речного училища и девушка с толстой подшивкой газет. Максим втиснулся на крайний стул для посетителей. Секретарша с кокетливо заколотой чёлкой лениво листала какой-то журнал, только время от времени коротко бросала: «Следующий!»

Юноша вскочил и зашёл к товарищу Шлацкой, затем и девушка вошла, и в комнате снова воцарилось молчание. Ладони у Максима были мокрые — он промокал их платком, сглатывал сухость во рту и перебирал записи, которые аккуратно переписывал накануне допоздна. Машинально считал потолочные плитки и прислушивался к тиканью настенных часов, пока дверь не приоткрылась — его очередь.

— Сретенский? — прозвучало из кабинета, с лёгким раздражением. — Вы там уснули, что ли?

Он вскочил так резко, что едва не выронил бумаги, двинулся к двери, переступил порог и остановился.

Кабинет оказался просторнее, чем ожидалось. Широкое окно выходило на площадь, впуская осенний свет. В углу стоял фикус в массивной керамической кадке. На стенах — портреты Ленина и Брежнева, между ними — карта района с разноцветными флажками. На длинной тумбе у перегородки — графин с водой и два стакана.

Но всё это он заметил краем глаза. Взгляд сразу нашёл женщину за письменным столом.

Секретарь райкома комсомола Мария Шлацкая сидела с прямой спиной, и в одной этой осанке было и строгое воспитание, и врождённое самообладание. Ей было около тридцати, но выглядела моложе — может быть, из-за ухоженной кожи и отсутствия тех морщин усталости, которые Максим привык видеть на лицах окружающих женщин. Тёмные волосы, подстриженные под аккуратное каре, не требовали ни шпилек, ни заколок. Тёмно-синее платье строгого кроя подчёркивало фигуру с безупречной точностью — ни одной лишней складки, ни одного случайного сантиметра ткани.

Но главным были черты лица — холодные, с чуть заострённым подбородком, высокими скулами и чётко очерченными губами, которые, казалось, никогда не знали широкой улыбки. Она не была красива в общепринятом смысле — слишком жёсткие линии, слишком ледяные глаза, — но рядом с ней невозможно было оставаться спокойным. В ней чувствовалась власть и полная уверенность в себе, и это действовало сильнее красоты.

— Вы так и будете стоять в дверях? — спросила Мария, и в интонации прозвучало раздражение, будто он уже успел её разочаровать.

— П-простите, — Максим сделал несколько шагов вперёд и остановился напротив стола.

— Сретенский, так? Из библиотечного? — она не смотрела на него, занятая документами.

— Да. То есть, да, Мария Станиславовна. Я принёс отчёты, которые вы просили.

Протянул папку, стараясь, чтобы рука не дрожала. Мария взяла её, не поднимая глаз, и начала перелистывать страницы. Длинные пальцы с коротко подстриженными ногтями без лака двигались стремительно и точно.

Максим стоял, не зная, куда деть руки. Сунуть в карманы — неуважительно, сложить на груди — развязно, оставить опущенными по швам — глупо. В конце концов он сцепил их за спиной, чувствуя, как рубашка прилипает между лопатками.

Шлацкая продолжала просматривать страницы, время от времени хмурясь или приподнимая бровь. Наконец подняла глаза — серые, оценивающие — и Максим невольно отступил на полшага.

— Что это? — Мария слегка приподняла папку.

— Отчёты о проведённых мероприятиях за прошлый квартал и план на следующий, — ответил он, удивившись твёрдости собственного голоса.

— Я вижу, что это отчёты, — в тоне появилось презрение. — Я спрашиваю, что это за почерк? Вы в каком веке живёте? В техникуме печатной машинки нет?

— Есть, но она она сломана, — соврал Максим. На самом деле машинку просто никто не хотел ему доверять.

Мария захлопнула папку.

— Перепиши и принеси завтра. И приведи себя в порядок, — она оглядела его с головы до ног. — Ты представляешь целый техникум. Выглядеть должен соответственно.

Это «ты», произнесённое с холодным превосходством, задело его сильнее любого прямого оскорбления. Лицо Максима залила краска — от шеи до висков. Глаза защипало. Он опустил голову.

— Я я перепису.

— Всё свободное время будешь проводить здесь, — продолжала она, уже отложив папку и взявшись за другие бумаги. — Совещания по средам и пятницам. Сбор членских взносов каждое первое число месяца. Учёт посещаемости комсомольских собраний. Стенгазета ежемесячно. Работа с трудными подростками. Отчётность, учёт, планирование. Справишься?

Она задала этот вопрос так, будто заранее знала ответ.

— Да, Мария Станиславовна, — ответил Максим, и сам удивился, услышав свой голос. — Я справлюсь.

— Посмотрим, — она снова подняла глаза, и на этот раз в них мелькнуло что-то похожее на любопытство. — Иди. Завтра в это же время. И записи чтобы были напечатаны.

Он кивнул, забрал папку и двинулся к выходу — ноги не слушались. Уже у порога услышал:

— И галстук смени. Этот выглядит так, будто ты украл его у своего деда.

Максим не обернулся. Закрыв за собой дверь, вышел из приёмной под любопытным взглядом секретарши и привалился к стене в пустом коридоре, пытаясь отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле, руки дрожали. Он стоял, прижав папку к себе, пока не выровнялось дыхание.

И здесь, в гулком пространстве райкома, понял — с той ясностью, которая не оставляет места для сомнений: он одержим этой женщиной. Это было не просто влечением, хотя и оно присутствовало — жгучее, болезненное. Это было чем-то другим. Годы отвержения, насмешек и одиночества, вся его жизнь, в которой никто и никогда не смотрел на него всерьёз, — всё это вдруг сосредоточилось в одной точке: в отчаянной тоске по женщине, более недоступной, чем кто-либо из тех, кого он знал.

Максим спускался по лестнице, не замечая окружающих. В голове билось одно: завтра он снова её увидит. Завтра будет шанс — на что? Он и сам не знал. Доказать, что чего-то стоит? Увидеть в её глазах что-то, кроме ледяного презрения?

Домой он вернулся поздно. Провёл весь вечер в районной библиотеке, забившись в дальний угол читального зала: перепечатывал отчёты на старой пишущей машинке, которую библиотекарша — давняя знакомая матери — разрешила ему использовать. Пальцы, непривычные к клавишам, то и дело попадали не на те буквы, и приходилось начинать страницу заново.

Дверь в квартиру не поддавалась — замок заедал. Он с трудом дважды повернул ключ, прежде чем тот наконец щёлкнул. Из кухни сразу донеслись знакомые звуки: звон разбитой тарелки, грубый голос отчима, приглушённые всхлипывания матери. Максим проскользнул в

прихожую, осторожно прикрыв за собой дверь. Уже почти миновал кухню, когда оттуда раздалось:

— Забирай своего выродка и проваливай! Сколько можно? Третий десяток пошёл, а он всё в куклы играет!

— Ему восемнадцать, — возразила мать вполголоса. — И он не играет в куклы. Он учится.

— Учится! — отчим громко фыркнул. — Пальцем не пошевелит по дому, только жрёт да спит! А теперь ещё этот его комсомол! Скоро заставят меня его содержать до старости!

Максим не стал слушать дальше. Прошёл мимо кухни в свою комнату, больше похожую на кладовку, отгороженную от остального пространства тонкой, почти картонной дверью. Здесь едва умещались узкая кровать, шаткий шкаф и маленький столик со стопкой книг. Обои, когда-то голубые с белыми цветами, выцвели и местами отошли от стены. Лампочка под потолком была обёрнута газетой, чтобы не слепила, и давала тусклый желтоватый свет.

Он сел на кровать, не раздеваясь, положил рядом папку с отчётами. Плач матери доносился глухо, через перегородку. Следовало пойти на кухню, вмешаться, защитить её. Но от этого стало бы только хуже — выпив, отчим становился жестоким, и однажды, когда Максим попытался заступиться, получил удар в солнечное сплетение.

Он лёг на кровать, не снимая ботинок, и уставился в потолок. Перед глазами стояло лицо Марии — холодное, властное, безупречное. В его воображении она смотрела иначе. Не с презрением, не с раздражением, а с чем-то другим. С уважением? С одобрением? С тем выражением, которое бывает, когда человек оправдывает ожидания?

Он представил: идеально оформленные отчёты на её столе. Её брови, приподнятые от удивления. Голос: «Хорошая работа, Сретенский. Я в тебе не ошиблась». А в ответ — твёрдый тон, спокойный и ровный голос, прямая спина. Как у человека, знающего себе цену.

За перегородкой что-то с грохотом упало, потом раздались тяжёлые шаги отчима, хлопнула входная дверь. Наступила тишина. Только приглушённые всхлипы матери за стеной.

Максим перевернулся на бок, подтянул колени к груди и смежил веки. Сон не приходил. Лицо Марии возвращалось снова и снова. Он уже не думал о похвале за отчёты — теперь в его фантазиях она улыбалась ему, едва заметно, и эта улыбка меняла её черты до неузнаваемости. Будто наяву он видел, как она наклоняется к нему через стол, как её рука случайно касается его руки, как она говорит что-то, предназначенное только для него.

Так он и заснул — не выпуская из рук папку с перепечатанными записями, и ему снилось, что завтра всё будет по-другому.

Глава 2. Восхождение

Красивая женщина в утренней постели — зрелище, перед которым отступает всё остальное. В предутренней полутьме, когда уходящая ночь уступает место первому свету, женское тело — без макияжа, без постороннего взгляда — выглядит почти совершенным. Ресницы едва подрагивают на щеках, дыхание ровное, грудь вздымается в устойчивом ритме. За окнами ещё не проснулся город, слабо светятся огни на горизонте, и только запах духов на подушке напоминает, что в этой квартире, подчинённой холодному порядку, кто-то действительно живёт. Ни отвисших щёк, ни поблекших губ — здесь всё было иным, чем в семьях, где женщина растворяется в детях, быте и тревоге о завтрашнем дне.

Мужчины, побывавшие в этой спальне, уносили с собой лишь воспоминание о свежести белья и неестественной тишине, но никогда — ощущение близости.

Будильник зазвенел, как и каждое утро в жизни Марии Шлацкой. Веки разомкнулись мгновенно, без сонной растерянности — даже во сне она оставалась начеку. Неяркое октябрьское солнце пробивалось сквозь тонкие шторы, обрисовывая контуры спальни — просторной, с дорогой мебелью и полным отсутствием личных вещей.

Мария села на край кровати, провела ладонью по шёлковому покрывалу — тёмно-синему, югославскому. Три года назад выбрала его в специальном магазине для номенклатуры на Кузнецком мосту. Продавщица улыбалась, рассказывая о югославском шёлке, а покупательница считала про себя месяцы, которые потребуются для оплаты. Но ни разу не усомнилась в покупке — это был не предмет быта, а подтверждение достигнутого.

Ноги ощутили прохладу паркета. Встала, потянулась, подошла к окну. С двенадцатого этажа дома на Ленинском проспекте город тонул в дымке — далёкий и неважный. Внизу суетились люди, маленькие и незначительные, спешащие на работу, в магазины, детские сады.

Сорок минут на сборы — ни минутой больше, ни минутой меньше. В ванной, выложенной бледно-голубым кафелем, сначала горячий душ, затем холодный. Привычка, ставшая за годы частью дисциплины. Намылила губку мылом из Праги, методично прошлась по всему телу. Тридцать лет — опасный возраст для женщины в подобном положении: молодость — уже не оправдание для ошибок, поддерживать красоту всё труднее, а конкурентки, вчерашние выпускницы институтов, становятся всё моложе и наглее.

В большом зеркале отражалась фигура — стройная, с высокой грудью и тонкой талией. Обернувшись махровым полотенцем, вернулась в спальню. На стуле висел костюм — сдержанный, тёмно-серый, с юбкой чуть ниже колен. Белая блузка застёгнута до последней пуговицы. Стандарт советской деловой женщины — но на ней всё выглядело дороже, значительнее, властнее.

В маленькой кухне, отделанной светлым пластиком, закипал чайник. Двухкомнатная квартира — непозволительная роскошь для обычного одинокого человека, но для секретаря райкома комсомола с перспективой перехода в партийные структуры — необходимый минимум. Заварила чай, намазала тонкий слой масла на чёрный хлеб, добавила сыр и ела медленно, читая вчерашнюю «Правду», разложив её перед собой на столе.

Сосредоточиться не получалось. В памяти всплыл вчерашний день — сутулая фигура нового комсомольского секретаря из библиотечного техникума по фамилии Сретенский. Быстрый испуганный взгляд, скользнувший по ней и тут же уткнувшийся в пол, дрожащие пальцы, протягивающие неряшливо составленные отчёты. Мария поморщилась: всегда одно и то же — присылают неудачника, который еле связывает два слова, и приходится делать двойную работу, проверяя каждую запятую.

Она принялась за макияж, присев за туалетный столик перед трюмо в золотистой раме. Столик когда-то принадлежал актрисе Малого театра, о чём с придыханием сообщил антиквар,

у которого его удалось купить на сэкономленные от загранкомандировок деньги. Пудра, тени, тушь — всё импортное, добытое через знакомых или в спецраспределителях. Наносила выверенными движениями: немного румян на скулы, тонкая стрелка подводки, придающая глубину глазам. Не слишком ярко — партийная эстетика требовала сдержанности, но и не бледно: это выглядело бы признаком слабости.

Расчёсывала волосы медленно, размеренно — сто раз, как советовала статья в журнале «Работница», который читала в детстве, сидя на продавленном диване в родительской гостиной.

Провинциальный городок в двухстах километрах от Москвы, панельная пятиэтажка с облупившейся краской. Четверо на тридцати восьми квадратных метрах — она, младший брат, мать и отец. Тесная кухня с вечно шумящей газовой колонкой, коридор, заставленный банками с огурцами и помидорами, которые мать заготавливала на зиму.

Отец приходил поздно, от него пахло машинным маслом и водкой. Инженер на местном заводе, когда-то подававший надежды, но спившийся от безысходности. Мать работала в заводской бухгалтерии, вечно усталая, с потрескавшимися от бытовой химии ладонями и постоянной головной болью. Каждую лишнюю копейку она складывала в жестяную коробку из-под печенья, прятала за шкафом, шёпотом пересчитывала, думая, что дети не видят.

Маша — тогда все звали её именно так — сидела за кухонным столом и делала уроки под тусклой лампой, пока родители ссорились в соседней комнате. Брат плакал, забившись в угол, а она считала примеры по математике, стараясь не слышать пьяных криков отца и тихих рыданий матери.

— Никогда, — прошептала она однажды ночью, лёжа на раскладушке, — никогда я не буду так жить.

В четырнадцать лет поняла, что красота действует на людей. Учителя ставили оценки выше заслуженных, соседский мальчишка носил её портфель до дома, продавщица в булочной давала свежие булочки из-под прилавка. Это и радовало, и настораживало.

В семнадцать Маша уехала в Москву поступать в институт. Конкурс был огромный, но подготовилась она блестяще — ночи напролёт занималась, отказывая себе в танцах, свиданиях, кино. На экзамены пришла в единственном приличном платье, перешитом из маминого выходного наряда. И поступила — не потому, что была красивой, а потому, что была умной, целеустремлённой и готовой работать на износ.

Мария тряхнула головой, проведя щёткой по волосам в последний, сотый, раз, закрепила короткое каре невидимками над ушами. Отражение в зеркале — холодное и собранное, каким и должно быть у человека на подобной должности. Ничего от провинциальной девочки, считавшей копейки на хлеб.

Надела серьги — скромные, но из настоящего серебра — и встала. Костюм сидел безупречно. Туфли на среднем каблучке — достаточно высоким, чтобы подчеркнуть стройность ног, но не настолько, чтобы выглядеть вызывающе. В прихожей взяла кожаную папку с документами и вышла, тщательно заперев замки.

Внизу ждала служебная «Волга» с водителем. Райком располагался в двадцати минутах езды, но статус обязывал пользоваться служебной машиной. Водитель, молчаливый мужчина средних лет, почтительно склонил голову, открывая дверцу.

Утренние улицы наполнялись транспортом и прохожими. Мария смотрела в окно и думала о том, что большинство из них так и проживёт всю жизнь в привычном укладе — работа, дом, магазинные очереди, коммунальные квартиры. Как её родители, как тысячи других, довольствующихся малым и не мечтающих о большем.

В райкоме было привычно шумно — разговоры, телефонные звонки, аромат кофе из приёмной первого секретаря. Поднялась на третий этаж, коротко поприветствовала секретаршу и прошла в угловой кабинет с видом на площадь и памятник Ленину.

Села за стол, включила настольную лампу — осенняя погода была мрачной, и света из окна не хватало. Телефон зазвонил сразу.

— Шлацкая слушает, — произнесла без малейшей утренней задумчивости.

— Мария Станиславовна, это Новиков из городского комитета. По поводу сводного отчёта о сборе макулатуры

День начался. Один звонок сменялся другим, посетители входили и выходили, принося бумаги на подпись, задавая вопросы, ожидая указаний. Она говорила чётко и по существу, ни одного лишнего слова. Подписывала, просматривала сводки, делала пометки в ежедневнике.

Молоденькая сотрудница, недавно принятая в штат, вошла с папкой и замерла у порога.

— Проходите, не стойте столбом, — бросила Мария, не отрываясь от бумаг.

— М-мария Станиславовна, вот материалы по соцсоревнованию, которые вы просили.

Взяла папку, пробежала глазами первую страницу и нахмурилась.

— Перепечатайте. Три опечатки на первой странице. И используйте официальный бланк, а не обычную бумагу.

Девушка торопливо кивнула, покраснев, и поспешила к выходу.

— И причёску поправьте, — добавила начальница вслед. — Вы работаете в райкоме, а не в парикмахерской.

Когда створка за сотрудницей захлопнулась, Мария откинулась на спинку кресла и прикрыла веки.

Общежитие института. Шесть кроватей в комнате, вечно занятый туалет в конце коридора, очередь к плите на общей кухне. Холод зимой, когда батареи едва теплились, и духота летом, когда открытые окна не спасали от жары.

Она подрабатывала уборщицей по вечерам, а по ночам учила конспекты, сидя в кровати с фонариком под одеялом, чтобы не мешать соседкам. Стипендии хватало на хлеб и молоко, иногда — на сыр. О новых сапогах или платье можно было только мечтать.

На втором курсе заметила, что секретарь комсомольской организации факультета, Игорь Соколов, смотрит на неё иначе, чем остальные — не с грубым вождением, а оценивающе, с холодным и расчётливым вниманием.

Подошёл после собрания, предложил проводить до общежития. Потом были встречи в библиотеке, разговоры о политике, о будущем страны, о карьере в партийных структурах. Игорь был старше, заканчивал аспирантуру и имел связи в горкоме.

— У тебя большое будущее, Маша, — сказал он однажды, когда они сидели в кафе-мороженом на Арбате. — Ты умна, красива, и главное — у тебя есть характер. Таким, как ты, открыты все двери.

— Не все, — возразила она, думая о том, как накануне отказалась от приглашения однокурсниц в ресторан, потому что не было ни подходящего платья, ни денег на ужин.

— Все, — настаивал он, накрывая её ладонь своей. — Просто нужно знать правила игры.

В следующую субботу они пошли в ресторан «Прага». Игорь заказал коньяк, шампанское, блюда, которых она никогда раньше не пробовала. Говорил о своих связях, о перспективах, о том, как важно иметь покровителя в начале пути.

После ресторана привёз к себе — отдельное жильё, подарок родителей-профессоров. В прихожей достал из кармана пиджака маленькую коробочку.

— Это тебе, — сказал, протягивая флакон французских духов.

Мария смотрела на подарок и понимала — это не жест симпатии, а предложение сделки. Духи пахли терпко и незнакомо, и этот аромат ей понравился.

В ту ночь она сделала выбор. Без сожалений, без романтических иллюзий. Чистый расчёт: молодость и красота в обмен на его связи и возможности. Игорь был первым — но далеко не последним.

Через три месяца Маша получила должность в комсомольском комитете института. Через год перешла в райком. Игорь Соколов остался в прошлом — его сменил заместитель председателя исполкома района, человек влиятельный, но женатый, что делало их отношения одновременно более скрытными, но и более выгодными...

Телефонный звонок вернул Марию в настоящее. Сняла трубку, выслушала сообщение о предстоящем заседании и сделала пометку в ежедневнике.

Ближе к полудню она открыла ящик стола и достала подшивку с надписью «Библиотечный техникум». Внутри — документы за последний квартал: планы мероприятий, сводки о проведённой работе, списки комсомольского актива.

Просмотрела бумаги, кривясь от небрежных формулировок и очевидных ошибок. Предыдущий секретарь комсомольской организации техникума, похоже, относилась к обязанностям без особого рвения. А теперь на её место назначили этого как его Сретенского. По лицу видно — из тех, кто боится собственной тени.

Впрочем, может, оно и к лучшему. Такие тихони обычно исполнительны до фанатизма. Главное — сразу задать тон, показать, кто здесь решает. Вчера, кажется, он всё понял.

Мария собрала документы обратно в подшивку. После обеда предстояла поездка в техникум — плановая проверка комсомольской работы. Представила серые стены, книжную пыль и запах мастики для пола, молчаливых девушек в одинаковых платьях с белыми воротничками.

И его — нового секретаря комсомольской организации, который вчера провожал её растерянным взором провинившегося школьника. Что ж, посмотрим, как он справился с заданием. Впрочем, она не питала особых иллюзий. Такие, как Сретенский, редко оправдывают даже скромные ожидания.

Чёрная «Волга» притормозила у обшарпанного крыльца техникума. Мария поправила воротничок блузки, оглядела серое здание — на фоне октябрьского неба оно казалось ещё более унылым. Водитель поспешил распахнуть дверцу, и каблучки секретаря райкома комсомола звонко застучали по асфальту.

Всякий раз, посещая подобные учреждения, Мария испытывала раздражение и превосходство одновременно. Техникум напоминал о том, чем она могла бы стать — рядовым специалистом с зарплатой в сто двадцать рублей, стоящей после работы в очередях за колбасой и мечтающей о югославских сапогах. Осознание этого заставляло выпрямлять спину ещё сильнее, а походку делало ещё увереннее.

Несколько студенток у входа мгновенно замолчали при появлении гостьи. Мария уловила настороженные переглядывания, суетливое одёргивание форменных платьев, неловкие попытки пригладить волосы. Прошла мимо, не задерживаясь.

— Мария Станиславовна, добро пожаловать! — навстречу спешила директор техникума Анна Николаевна, женщина в массивных очках и с небрежно собранными на затылке волосами. — Мы уже всё подготовили, актовый зал ждёт.

— Надеюсь, на этот раз без накладок, — последовал сухой ответ, без замедления шага.

— Конечно-конечно, всё будет как положено, — директриса семенила рядом, пытаясь подстроиться под уверенный шаг гостьи. — А наш новый секретарь подготовил доклад, как вы просили

— Посмотрим, — оборвала Мария.

Они шли по коридору, вдоль висящих на стене стендов с газетными вырезками и фотографиями отличников учёбы. В воздухе стоял дух хлорки и старых книг, смешанный с запахом дешёвой косметики и стиранных форменных платьев. Думалось лишь о том, сколько времени придётся здесь провести.

Студенты расступались, притихая, провожая посетительницу взглядами с настороженным любопытством — как человека из другого, недоступного им мира.

Актовый зал был заполнен до отказа. Ряды деревянных стульев с потёртой зелёной обивкой, портрет Ленина над сценой, пыльные кумачовые знамёна по углам. Когда Мария вошла, зал поднялся. Коротко кивнув, она прошла на сцену, к длинному столу, покрытому красным сукном.

— Товарищи, прошу садиться, — произнесла в микрофон. Усиленный древней аппаратурой, голос прозвучал с металлическим эхом. — Сегодня мы проводим плановую проверку работы комсомольской организации библиотечного техникума.

Когда зрение привыкло к освещению, разглядела лица в первых рядах. Девушки в одинаковых тёмно-синих платьях с белыми воротничками, несколько юношей, выглядящих чужеродно в этом женском мире, преподаватели с выражением вынужденного внимания на лицах.

— За последний квартал ваша организация показала неудовлетворительные результаты по сбору членских взносов, — продолжала Мария, перекладывая документы на красном сукне. — План по сдаче макулатуры выполнен лишь на шестьдесят процентов. Участие в районных мероприятиях — минимальное. Я хотела бы услышать объяснения новоизбранного секретаря комсомольской организации.

Подняла взор от бумаг и обвела зал:

— Товарищ Сретенский, прошу вас к трибуне.

В зале наступила тишина, нарушаемая лишь скрипом стула и неловкими шагами. Мария наблюдала, как из третьего ряда поднялся долговязый юноша и начал протискиваться между сидящими. Кто-то хихикнул, кто-то демонстративно подвинулся, освобождая проход. Сретенский втягивал голову в плечи и не отрывал взора от собственных ботинок.

Мария изучала его, пока он поднимался на сцену, спотыкаясь о ступеньку. Невыразительное лицо с бледной кожей, усыпанной красными пятнами — то ли прыщи, то ли нервная сыпь. Нечёсанные вихры. Мягкий пиджак с чужого плеча, болтающийся на худой фигуре. Неопределённого цвета галстук, про который вчера было сказано, что он выглядит так, будто украден у деда.

Очередной неудачник, каких она повидала десятки. Тихий, запуганный, неспособный связать двух слов. На такие должности всегда попадали те, кто не мог отказаться, — кого выбрали именно затем, чтобы никому не мешал.

Сретенский встал за трибуну, сжимая в руках листы. Пальцы дрожали, бумага тряслась. Открыл рот, но не произнёс ни звука, облизнул пересохшие губы и попробовал снова.

— Т-товарищи, — наконец выдавил он, и сорвавшийся фальцет вызвал приглушённое хихиканье в зале. — Я мы то есть, комсомольская организация нашего техникума

Мария смотрела на него безо всякого выражения. Вчера в райкоме он был таким же — бормотал что-то невнятное, едва мог назвать своё имя. Сегодня, похоже, превзошёл сам себя.

— Товарищ Сретенский, — прервала она его мучения, — вы подготовили доклад о работе организации?

— Д-да, Мария Станиславовна, — он протянул несколько листов, отпечатанных на машинке.

Пробежав документ глазами, она сразу обнаружила россыпь опечаток и стилистических ляпов. Цифры не сходились, даты мероприятий противоречили друг другу. Похоже, парень перепечатывал страницы второпях, исправляя вчерашние промахи и добавляя новые.

— И это всё, что вы подготовили? — спросила, подняв на него прямой, немигающий взор.

— Н-нет, у меня есть ещё — Максим лихорадочно зашарил по карманам, но ничего не нашёл. — Кажется, я забыл вторую часть

По залу прокатились смешки. Мария видела, как краснеет его физиономия — пятна проступали неровно, расплзаясь по бледной коже. На лбу выступил пот, стекая к вискам.

— Вы понимаете, что это значит? — продолжила она ровным тоном. — Это значит, что вы не готовы к работе, которую вам доверили ваши товарищи.

— Я старался, — пробормотал он так тихо, что слова едва долетели до неё.

— Старания недостаточно. Нужны результаты, — Мария повернулась к залу. — Товарищи, вот ваш секретарь. Человек, который представляет вашу комсомольскую ячейку в районном комитете, который должен отстаивать ваши интересы, организовывать работу, быть примером для всех.

Она выдержала паузу.

— Что ж, у меня создаётся впечатление, что комсомольская организация техникума нуждается в серьёзной перестройке работы. Товарищ Сретенский, вы лично отвечаете за исправление ситуации. Через месяц я жду полный доклад, и он должен быть безупречным. В противном случае придётся ставить вопрос о вашем соответствии должности.

Сретенский стоял за трибуной, вцепившись в края. Капли пота падали на листы. Зрелище было жалким, но жалость не входила в арсенал полезных чувств.

— Садитесь, товарищ Сретенский. И приготовьте блокнот — будете записывать поручения.

Он кивнул и спустился с трибуны на негнущихся ногах. Девушки в первом ряду отодвинулись, когда проходил мимо.

Следующий час Мария говорила о задачах комсомола, о предстоящем съезде, о важности идеологической работы — стандартная речь, которую она могла произнести даже во сне. Студенты слушали с привычным выражением скуки и притворного внимания на лицах. Ждали, когда всё закончится, чтобы вернуться к своим делам, забыв половину сказанного ещё до выхода из зала.

— На этом всё, товарищи, — наконец закончила гостя. — Вопросы есть?

Вопросов, конечно, не было.

— Тогда до следующей встречи. Товарищ Сретенский, подойдите ко мне после собрания.

Собрала документы в папку и спустилась со сцены. Директриса тут же подскочила, рассыпаясь в благодарностях за визит и обещая, что все недостатки будут устранены в кратчайшие сроки. Мария рассеянно соглашалась, не вслушиваясь. Хотелось поскорее покинуть это душное помещение, пропахшее потом и дешёвым одеколоном.

— Мне нужно позвонить, — прервала она поток заверений. — У вас есть телефон?

— Конечно, Мария Станиславовна! Прошу за мной.

Вышли в коридор, где ещё толпились студенты, обсуждающие собрание. Увидев гостью из райкома, притихли и расступились. Мария шла, глядя прямо перед собой, не обращая внимания на шёпот за спиной.

Краем зрения заметила группу девушек, окруживших Сретенского. Они говорили что-то, и по их позам и жестам было ясно, что это — не слова поддержки. Одна изобразила, как он запинался за трибуной, вызвав смех у остальных. Сретенский стоял, опустив голову, не пытаясь защищаться или уйти, покорно принимая очередную порцию унижений.

Это не касалось Марии. Она давно поняла: выживают сильнейшие. Слабые всегда будут жертвами — таков порядок вещей.

Директорский кабинет был тесным, с претензией на уют — вязаная салфетка на рабочей поверхности, керамические статуэтки на полке, горшки с чахлыми фикусами на подоконнике. Гостя опустилась в кресло у директорского стола.

— Я вас оставляю, — директриса понимала, когда лучше уйти. — Если что-то понадобится — я буду у секретаря.

Дождавшись тишины, Мария сняла трубку и набрала номер, который знала наизусть.

— Шишкин слушает, — раздался мужской баритон.

— Это я, — сказала, зная, что он узнает её по голосу.

— Мария Станиславовна, — в баритоне появились тёплые нотки. — Рад вас слышать. Как проходит день?

— Как обычно. Встречи, проверки, бесконечные разговоры о том, что уже давно всем известно.

Знала, что Шишкин выдерживает паузу нарочно — мелкие манипуляции, привычная часть их отношений.

— У меня есть новости, — наконец произнёс он. — По поводу вашего выдвижения в Моссовет.

Она сжала трубку чуть крепче.

— Я слушаю.

— Всё складывается удачно. Завод «Зубило» готов выдвинуть вашу кандидатуру. Осталось решить вопрос с филиалом в Зеленограде — там тоже нужно выступить, показаться рабочим. Вы знаете, как это важно.

— Конечно, — ответила она, постукивая пальцами по подлокотнику кресла. — Когда?

— В следующую среду. Я могу организовать машину.

— Хорошо, — она сделала пометку в ежедневнике. — Что-нибудь ещё?

— Да, — его голос стал тише, интимнее. — Сегодня вечером я свободен. Жена уехала к матери в Калинин на три дня.

Мария поймала собственное отражение в оконном стекле — безупречная причёска, выверенный макияж, ни следа эмоций. Звонок выходил за рамки рабочих отношений, но не настолько, чтобы это отразилось на внешности.

— Во сколько? — спросила.

— В восемь. Я заеду.

— Хорошо. До вечера.

Она положила трубку. До вечера ещё нужно было провести совещание в райкоме и разобрать почту. Обычный день, наполненный обычными делами. Выдвижение в Моссовет — вот что действительно имело значение. Ещё одна ступень, ещё один шаг вверх — продолжение пути, который начался ещё в институте.

Встала, поправила причёску и вышла. Директриса ждала в приёмной, нервно теребя край кофты.

— Всё в порядке? — спросила с той особой интонацией, с которой разговаривают с начальством, пытаясь угадать его настроение.

— Да, — коротко прозвучало в ответ. — Мне пора.

— Конечно-конечно! Я провожу вас.

Двинулись по коридору. Занятия уже начались, и вокруг было пусто. Только у выхода стояла группа студенток, явно прогуливающих урок. Увидев Марию, они замолчали и изображали деловитые лица.

— Мария Станиславовна, — начала одна из них, самая смелая, — можно задать вопрос?

— Я спешу, — отрезала та, не сбавляя темпа.

На крыльце стоял Сретенский. Прислонился к стене, уставившись куда-то перед собой. Мария вспомнила, что велела ему подойти после собрания, но теперь это казалось неважным. Что можно ему сказать? «Соберись», «будь мужчиной», «прекрати позориться»? Такие, как он, не меняются.

Чёрная «Волга» ждала у входа. Водитель, завидев начальство, тут же распахнул дверцу. Она села на заднее сиденье, не оборачиваясь. Последнее, что мелькнуло перед тем, как машина тронулась, — бледная физиономия Сретенского, провожающего «Волгу» неподвижным, странно цепким взглядом. Что-то необычное было в этом пристальном внимании, но думать об этом она не стала.

Имелись дела поважнее, чем переживать о судьбе комсомольского секретаря из библиотечного техникума. Впереди — большая политика, власть, положение в обществе. Всё, ради чего Мария работала долгие годы.

— В райком, — бросила водителю и откинулась на сиденье.

Хрустальные бокалы отразили свет настольной лампы, преломляя его в золотистые искры. Коньяк — марочный армянский, без звёзд — дефицит, доступный немногим — тягуче стекал по стенкам бокалов, оставляя маслянистые дорожки. Мария сидела в кресле, обитом бордовым бархатом, и наблюдала, как Шишкин разливает напиток, выверяя каждое движение. В его жилище на Кутузовском проспекте всё было устроено по негласным стандартам номенклатурного достатка: тяжёлые шторы, финский гарнитур мягкой мебели, югославская стенка с хрустальными фужерами и неизменным набором книг — подписные издания основателей марксизма-ленинизма соседствовали с однотомником Хемингуэя и русскими классиками.

— За успех нашего безнадёжного дела, — произнёс хозяин, поднимая бокал. — Знаешь, откуда эта фраза?

— Булгаков? — предположила Мария, хотя точно знала, что цитата из Фазиля Искандера. Мужчинам нравится объяснять, а ей нужно было, чтобы собеседник чувствовал своё интеллектуальное превосходство.

Шишкин удовлетворённо качнул головой. Он любил политические разговоры, особенно после трудового дня, когда можно было говорить чуть свободнее, чем в стенах исполкома. А Мария слушала — не из интереса к его суждениям, а чтобы вылавливать крупинки информации, которые могли пригодиться.

Проигрыватель «Вега» в углу комнаты негромко выводил мелодию Раймонда Паулса. Она знала, что в соседней комнате — спальне с широкой кроватью и накрахмаленными простынями — их ждёт продолжение вечера. Но сначала — коньяк, разговоры о политике, неспешные обсуждения перспектив и возможностей. Именно здесь, а не в спальне, решалась её судьба.

— Кстати, о твоих перспективах, — Шишкин поставил бокал на журнальный столик, инкрустированный янтарём. — Я говорил с Новиковым после того, как мы созвонились. Он подтвердил согласие по выдвижению. Знаешь, что это значит?

— Что меня поддерживает один из самых влиятельных людей в горкоме? — Мария позволила себе лёгкую улыбку, хотя внутри разливалось тёплое удовлетворение. Новиков был ключевой фигурой — от одного его слова зависело, закроется перед человеком путь наверх или откроется.

— Больше, — собеседник наклонился к ней. — Он предложил тебя в список перспективного кадрового резерва министерства. Понимаешь, что это значит?

Она сжала бокал крепче. Министерство — это уже серьёзный уровень, но до ЦК, о котором она втайне мечтала, ещё далеко. Мария вполне осознавала своё место в иерархии — районный комсомольский секретарь, пусть и с покровителем, слишком незначительная фигура для настоящих высот.

— Когда? — только и спросила, скрывая за деловитостью разочарование.

— После выдвижения в Моссовет. Если всё пройдет гладко, в марте внесут твою фамилию.

Шишкин поднялся и протянул ладонь. Она вложила в неё свою руку, позволив себя поднять. В спальне горела настольная лампа под голубым абажуром, создавая интимный полумрак. Он обнял её сзади, зарывшись лицом в шею. Пальцы начали расстёгивать пуговицы на блузке — неторопливо, с той же методичностью, с которой разливал коньяк.

— Знаешь, почему я в тебя верю? — прошептал, снимая с неё блузку и вешая на спинку стула. — Потому что у тебя есть то, чего не хватает многим. Холодный ум и горячее сердце, как учил Дзержинский.

Мария усмехнулась про себя. Дзержинский говорил это о чекистах, а не о любовницах партийных функционеров. Представила себя в кожаной куртке с маузером, допрашивающую врагов революции, и усмешка стала глубже. Но это было неважно. Даже если она сотая в его списке — главное, что он открывает нужные двери и произносит нужные слова в нужных кабинетах.

Его ладони скользили по её телу с привычной уверенностью. Знал, куда надо нажать, где погладить, где сжать, чтобы вызвать реакцию. Она отвечала на прикосновения с точно выверенной страстью — не слишком пылко, чтобы не выглядеть вульгарно, но и не холодно, чтобы не задеть его самолюбие.

Кровать прогнулась под их весом. Шишкин навис над ней — грузный мужчина с намечающимся вторым подбородком и залысинами, которые старательно маскировал зачёсанными набок волосами. От него несло потом, коньяком и одеколоном — к этой смеси она давно привыкла и научилась не замечать.

Лежала, глядя в потолок, где тени от абажура создавали причудливый узор. Её любовник целовал шею, ключицы, грудь, деловито избавляясь от остатков одежды. Скоро всё закончится, и они вернутся к разговору о перспективах.

Мария сомкнула веки. Завтрашний день будет насыщенным — нужно подготовить речь для встречи с рабочими, просмотреть сводку о проверке в техникуме, составить план работы на следующий квартал. Если бы только этот Сретенский оказался толковым, а не таким безнадёжным — не пришлось бы тратить столько времени на перепроверку.

— Ты такая красивая, — пробормотал Шишкин, его дыхание участилось, движения стали резче.

Она ответила стоном — не слишком громким, но достаточным, чтобы поддержать его уверенность в себе. Тело двигалось привычно, пока разум продолжал перебирать завтрашние задачи.

Тело любовника напряглось, он издал глухой звук — что-то среднее между стоном и хрипом. Мария почувствовала финальные толчки и выгнулась навстречу, имитируя наслаждение. Шишкин скатился набок, тяжело дыша, и потянулся за сигаретами в ящике прикроватной тумбочки.

— Ты необыкновенная, — сказал, затягиваясь и выпуская дым к потолку. — Знаешь, у меня было много женщин, но таких, как ты — ни одной.

— Не говори глупостей, — ответила Мария, натягивая на себя простыню. — Лучше расскажи подробнее про резерв. Кто ещё входит в список?

Он довольно улыбнулся. Ценил в ней эту деловитость — способность сразу переходить к сути. Многие женщины после постели начинали говорить о чувствах, строили планы. Мария всегда говорила о работе.

— В списке пока двадцать человек. Из них только две женщины — ты и Светлана Поливанова из Ленинградского обкома. Остальные — мужчины, в основном из промышленности и сельского хозяйства. Но тебе беспокоиться не о чем, твоя кандидатура — одна из самых перспективных.

Мария внимательно слушала, запоминая каждое имя, каждую деталь. Информация — тоже власть, и упускать возможность добыть новую было бы непростительно.

— А как насчёт Колесникова? — спросила, называя главного конкурента на выдвижение в Моссовет. — Говорят, он тоже претендует.

— Колесников? — усмехнулся Шишкин. — Забудь о нём. У него тесть попал под проверку Комитета народного контроля. Какие-то махинации с поставками. Ничего серьёзного, но достаточно, чтобы притормозить карьеру на пару лет.

Мария коротко кивнула. Было всё равно — удача или стечение обстоятельств, главное, что одним конкурентом стало меньше.

— Мне нужно в ванную, — сказала она, поднимаясь с постели и оборачивая простыню вокруг тела.

Ванная Шишкина поражала роскошью — импортный кафель, душевая кабина вместо обычной ванны, зеркальная стена, полки с заграничной косметикой, привезённой его женой из зарубежных поездок. Мария включила воду и посмотрела на себя в потускневшее от пара зеркало.

Привлекательная женщина с усталыми чертами. Тридцать лет. Хорошая карьера. Впереди — возможность подняться ещё выше. А что потом?

На мгновение перед внутренним взором возникла другая картина: белое платье, рядом мужчина — не Шишкин, а кто-то моложе, искреннее, — держит на руках ребёнка. Их ребёнка. Дом, семья.

Тряхнула головой. Глупости. Семья, дети, любовь — всё это было из другой жизни, той, от которой она отказалась ещё в семнадцать лет, когда сидела на тесной родительской кухне и клялась себе, что никогда не будет так жить.

Она умылась холодной водой и вернулась в спальню. Шишкин уже был одет и проверял содержимое портфеля.

— Тебя подвезти? — спросил, не оборачиваясь.

— Нет, я вызову такси, — отозвалась Мария, быстро и собранно одеваясь.

Он согласно склонил голову, не настаивая. Оба понимали: никаких совместных появлений на публике, никаких следов. Его жена имела достаточно связей, чтобы создать проблемы им обоим.

Когда Мария уже была у выхода, Шишкин протянул небольшой пакет.

— Это тебе. Духи из Парижа. Привёз из командировки.

Она взяла с лёгкой улыбкой. Парфюм — напоминание об их первой ночи, когда она была студенткой и только начинала. Другие дарили цветы, украшения, даже меха, но Шишкин всегда дарил только ароматы.

— Спасибо, — произнесла Мария, и он понимающе склонил голову, зная, что благодарность относится не только к подарку, но и к новостям, к возможностям, ко всему, что стояло за этим вечером.

Ночная Москва встретила её прохладным ветром и морозящим дождём. Такси — старая «Волга» с потрёпанными сиденьями и угрюмым водителем — довезло до Ленинского проспекта по пустым ночным улицам, лишь изредка притормаживая на перекрёстках, где постовые милиционеры в оранжевых плащах регулировали несуществующее движение.

В её квартире было тихо и темно. Щёлкнула выключателем в прихожей, и тусклый свет выхватил из темноты вешалку с развешанными пальто, зеркальце в простой раме и телефон на тумбочке. Никаких фотографий на стенах, никаких сувениров — только функциональность и порядок.

Сняла туфли, поставила на обувную полку, повесила пальто на плечики. В ванной долго смывала макияж, наблюдая, как меняется лицо в мутноватом свете. Без косметики она выглядела моложе и уязвимее — почти как та девочка, которая приехала в Москву с чемоданом учебников.

Сняла серьги, расстегнула цепочку с маленьким кулоном, бережно уложила в шкатулку из карельской берёзы — подарок одного из прежних любовников, чьё имя уже не помнила.

В спальне надела ночную сорочку и легла в постель, натянув одеяло до подбородка. Несмотря на отопление, было прохладно — батареи грели слабо, а до зимы ещё оставался месяц.

В темноте, глядя в потолок, позволила себе минуту слабости — сжала кулаки, глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Завтра — выступление перед рабочими, сводки, совещания, интриги. Жизнь, которую выбрала сама.

Сон пришёл быстро — сказала усталость. Засыпая, она думала о будущем, о перспективах, о табличке «Депутат Моссовета» на двери кабинета.

Глава 3. Одержимость

Московская ночь никогда не бывает по-настоящему тёмной — даже в конце ноября, после первых снегопадов, когда оттепель ещё размывает сугробы на тротуарах и лужи блестят под фонарями. Постоянное городское освещение просачивается сквозь разошедшиеся рамы, через щели чердаков, сквозь окна панельных кооперативных домов. В этих сумерках невозможно спрятаться: окна горят повсюду, за ними движутся силуэты жильцов, а припаркованные во дворе машины стоят плотно, борт к борту. Казалось, вся Москва устроена так, чтобы никто, даже самый отчаявшийся, не мог остаться наедине с собой.

Максим ощущал это острее других — ему нужно было уединение, которого не давали ни подворотня, ни пустой двор. Единственным убежищем оставалась его импровизированная комнатка, слабо освещённая настольной лампой под треснувшим абажуром, купленной матерью ещё до его рождения. На столе, в пятне жёлтого света, помещались только лист бумаги, чернильная ручка и пепельница с окурками — он почти не курил, просто подбирал недокуренные отчимом сигареты, чтобы занять руки, когда слова не складывались.

Третий вариант отчёта выглядел не лучше двух предыдущих. Максим перечёркивал целые абзацы, вписывал вставки между строк, но результат по-прежнему представлялся жалким, недостойным того, чтобы его увидела Мария Шлацкая. Пальцы, испачканные чернилами, оставляли на полях синие отпечатки. В комнате тянуло канцелярским клеем и «Примой», которую курил отчим.

Кровать упиралась в стену, над ней на полке теснились учебники по библиотечному делу, стопка старых журналов «Юность» и несколько потрёпанных книг, которые Максим перечитывал в тяжёлые минуты — Джек Лондон, Ремарк, Хемингуэй. Мужская проза, герои которой знали, чего хотят, и добивались этого, не боясь смотреть жизни в глаза.

За перегородкой слышались голоса — сначала приглушённые, потом всё громче. Ежевечерняя ссора. Максим замер, перестал водить пером по бумаге, прислушался. Слова доносились невнятно, но тон был узнаваемым — мать говорила подавленно, негромко, отчим отвечал с той грубостью, которая появлялась у него после третьей рюмки.

— опять твой выродок со своими бумажками! — интонация отчима стала отчётливее. — Сколько можно? Свет жжёт до утра.

— Тише ты, — мать говорила умоляюще. — Он же слышит всё.

— Пусть слышит! — грохот кулака по столу заставил Максима вздрогнуть. — Может, до него дойдёт наконец! Восемнадцать лет мужику, а он всё в писульках своих

Отложив ручку, Максим осторожно, стараясь не шуметь, подошёл к стене. Прижался ухом к выцветшим обоям, когда-то бывшими голубыми в белый цветочек, а теперь какого-то невнятного серого цвета. Снизу они отсыревали и отклеивались, образуя пузыри, под которыми иногда заводились мокрицы.

— взять его с собой на завод, — продолжал отчим. — Хватит этого библиотечного! Что за профессия для мужика? Книжки расставлять? С бабами на работе сидеть? Я ему место в цеху пробью, будет человеком.

— Он не хочет на завод, — речь матери стала едва различимой, пришлось ещё сильнее прижаться к обоям. — У него способности к

— Какие у него способности? — отчим перебил с тем издевательским хохотком, от которого всегда холодело внутри. — Разве что по стенке ползать! Видел я твоего сына в деле — заикается, краснеет, двух слов связать не может. Да его одноклассники уже женились, а он

Слова перешли в неразборчивое бормотание. Потом снова удар по столу, звон посуды, скрип отодвинутого стула. Тяжёлые шаги с характерным шарканьем — отчим выходил из

кухни. Максим отпрянул от стены и поспешно вернулся к столу, схватил ручку, изображая поглощённость работой.

Дверь в каморку распахнулась. На пороге нарисовался отчим, грузный, с физиономией, покрасневшей от выпитого и от злости. От него несло перегаром и «Шипром».

— Ты чего подслушиваешь? — спросил, прищурившись.

— Я не подслушиваю, — Максим старался, чтобы голос не дрожал. — Я отчёт пишу для райкома.

— Отчёт он пишет! — отчим обернулся, словно обращаясь к невидимому зрителю. — Слыхала, Ленка? Он отчёт пишет! Всю ночь сидит, свет жжёт, а утром тащится в свой техникум! Книжки перебирать учиться, тьфу!

Максим молчал, опустив глаза. Любой ответ лишь усугубил бы ситуацию. Отчим постоял, буркнул что-то, хлопнул створкой, потом и входную захлопнул — пошёл в гараж, за водкой и журналами.

Выдохнув, Максим вернулся к отчёту. Последний абзац выглядел безнадёжным — он уже представлял, как завтра Мария с безупречным маникюром и нахмуренными бровями разнесёт его работу в пух и прах. Каждое её слово, каждый жест Максим помнил с болезненной отчётливостью.

Поздней ночью завершил пятый вариант — не идеальный, но терпимый. Аккуратно сложил листы в тёмно-синюю папку из кожзама с тиснением «Документы», купленную на последние деньги.

Перед сном представлял её одобрительный кивок и слова: «Неплохая работа, Сретенский». Нелепая фантазия, от которой однако теплело в груди.

Будильник прозвенел рано — и началась знакомая суета: душ, бритьё, выглаженная рубашка, начищенные ботинки. Подготовка к визиту, в которую он вкладывал усилий больше, чем в сам доклад. Бесшумно покинул квартиру, спустился по лестнице — в подъезде стоял обычный дух сырой штукатурки и какой-то еды. На улице редкие прохожие спешили мимо, холодный ноябрьский ветер забирался под пиджак.

В метро он прижимал к груди папку и ощущал, будто все смотрят на его потёртый пиджак и нелепый галстук — на новый не хватило денег.

Здание райкома с колоннами и тяжёлыми дверями, строгая вахтёрша, проверяющая документы. Внутри он ощутил уже знакомый запах — табак, мебельный полироль и канцелярский клей. На третьем этаже тишина нарушалась лишь стрёкотом пишущей машинки и далёкими звонками телефона, трубку которого никто не поднимал. У двери с номером 316 Максим остановился, одёрнул пиджак, пригладил волосы и постучал.

В приёмной сидела полная секретарша с высокой причёской и очками на цепочке.

— К Марии Станиславовне? Подождите.

Она скрылась за дверью кабинета и через минуту вышла:

— Войдите.

Кабинет был всё так же строг и функционален — окно на площадь с памятником Ленину, массивный стол, заваленный бумагами. Мария сидела в тёмном костюме, с идеально уложенными волосами и сосредоточенным, замкнутым выражением лица.

Едва взглянула на него, продолжая что-то писать в блокноте.

— Сретенский? Садитесь, — указала на стул напротив, не отрываясь от записей.

Максим сел, положив папку на колени. Пальцы дрожали. В горле пересохло, и если бы он попробовал заговорить, голос наверняка сорвался бы. Поэтому молча ждал, когда она обратит на него внимание.

Прошла минута, может быть, две. Наконец Мария отложила ручку и посмотрела на него.

— Отчёт принесли? — в тоне слышалось лёгкое раздражение, будто само присутствие посетителя отвлекало от дел поважнее.

— Д-да, Мария Станиславовна, — он протянул папку, стараясь, чтобы та не выскользнула из вспотевших пальцев.

Она взяла документы и принялась просматривать, перелистывая страницы привычным движением опытного чиновника. Лицо не выражало ничего — ни одобрения, ни неодобрения, только сосредоточенность.

Максим наблюдал за ней, не шевелясь. Смотрел на пальцы с аккуратным маникюром, на то, как изредка она заправляла за ухо падавшую на лицо прядь волос, как хмурила брови, останавливаясь на каком-то абзаце. Всё в ней было выверенным — каждый жест, каждое движение. И от этой выверенности, от этого совершенства он ощущал себя в её присутствии ещё ничтожнее, ещё неуместнее в этом кабинете.

Наконец она поморщилась и подняла глаза. Оглядела его с ног до головы — стремительно, оценивающе.

— Чем от вас так пахнет? — спросила с явным отвращением.

Максим замер. Утром он принял душ, почистил зубы, даже постирал носки — неужели от него тянет потом? Или это «Шипр» отчима, который он нашёл в ванной и брызнул на себя перед выходом?

— Я не знаю, — пробормотал, чувствуя, как кровь бросается в лицо. — Возможно, одеколон

— Откройте окно, — приказала Мария, отодвигаясь от стола. — Невозможно дышать.

Он вскочил и кинулся к окну. Рама, покрашенная белой масляной краской, была плотно закрыта. Схватился за ручку, дёрнул — она не поддавалась. Пальцы скользили, не находя опоры, и с каждой секундой нарастала паника.

— Да что же вы такой неумёха?! — Мария встала из-за стола, подошла и одним движением повернула ручку вверх, а не вниз, как пробовал Максим. Окно распахнулось, впуская ноябрьский холод.

Они оказались так близко, что Максим уловил аромат её духов — тонкий, едва различимый, дорогой. Рядом с ним его одеколон действительно казался отвратительным.

— Садитесь, — сказала она, возвращаясь к столу. — В целом отчёт удовлетворительный. Но есть недочёты — на третьей странице даты перепутаны, на пятой опечатки. Исправьте и принесите завтра. И приведите себя в порядок — это официальное учреждение, а не баня.

Он кивнул, не поднимая взгляда. Щёки горели от стыда, но вот что поразительно — унижение только усиливало влечение. Чем сдержаннее и презрительнее она была, тем сильнее хотелось заслужить хоть каплю её одобрения.

— Это всё. Можете идти.

Максим встал, взял папку, пробормотал что-то благодарное и вышел. В коридоре привалился к простенку, пытаясь успокоить дыхание — сердце в груди колотилось часто и больно.

По дороге домой зашёл в галантерейный магазин на углу. Слышал от однокурсниц, что там продают хороший одеколон — не импортный, конечно, но лучше «Шипра». Продавщица — полная женщина с начёсанными волосами и усталыми глазами — равнодушно выложила перед ним несколько флаконов.

— Советую «Саша», — сказала она, подвигая к нему квадратный флакон с янтарной жидкостью. — Свежий запах, долго держится.

Он взял флакон. Стипендию выдали только вчера — сорок рублей, из которых пятнадцать уже отдал матери на хозяйство, десять потратил на папку. «Саша» стоил семь рублей. Если купить, останется восемь — на весь месяц, до следующей стипендии.

Но перед глазами стояло выражение лица Марии, её сморщившийся нос, в ушах всё ещё звучали её слова: «Чем от вас так пахнет?»

— Беру, — сказал Максим, протягивая деньги.

На улице сразу открыл флакон и брызнул на себя — на шею, на запястья, даже на пиджак. Его окатила ароматная древесно-цитрусовая волна — дубовый мох, лимон, что-то ещё, неопределимое. Может, завтра она не поморщится и заметит, что он изменился.

С этой мыслью он шёл домой, прижимая к себе папку с документами и флакон, завернутый в бумагу. И впервые за долгое время ощущал что-то похожее на надежду.

Маленькое зеркало в ванной отражало лицо фрагментами — тусклый свет от голой пыльной лампочки под потолком выхватывал то нос, то щёку, то лоб с россыпью красноватых воспалений. Максим наклонялся и поворачивался, чтобы разглядеть каждый участок кожи. Пальцы уже машинально нащупывали неровности, глаза выискивали очередной прыщик, очередной изъяз, отделяющий его от того образа, который мог бы заслужить хотя бы нейтральный взгляд Шлацкой.

Ванная в их квартире была тесной, с обшарпанной плиткой и вечно капающим краном. В углу — обмотанный изолентой стиральный бачок «Рига», на котором громоздились флаконы шампуней и мыльницы. Воздух — влажный и затхлый, вентиляция работала плохо, а окна здесь не предусматривали.

Максим сгорбился над раковиной в одних трусах и майке. Полотенце забыл, но возвращаться в комнату не хотелось — отчим смотрел хоккей по телевизору, и проходить мимо означало нарваться на очередные насмешки. Поэтому он закрылся на щеколду и приступил к делу.

Начал со лба, методично надавливая на каждый прыщик указательными пальцами. Боль была острой, вспыхивала и затихала с каждым нажатием. На бледной коже оставались красные следы, иногда выступала капля крови, которую он тут же смывал ледяной водой. Зубы стиснуты, глаза прищурены — процесс требовал полной сосредоточенности.

На щеках воспаления были крупнее, и каждое нажатие вызывало более сильную боль. Он морщился, но не останавливался. Иногда прикусывал губу, чтобы не вскрикнуть — перегородки в квартире были тонкими, и мать могла услышать. Давил до тех пор, пока не убеждался, что прыщ опустошён, даже если ранка кровоточила.

— Терпи, — шептал сам себе, глядя, как на подбородке проступает очередное красное пятно.

Кровь из особенно глубокого прыща потекла сильнее обычного. Максим схватил кусок туалетной бумаги и прижал к ранке. Бумага мгновенно пропиталась, пришлось заменить новым куском. В зеркале отражалась бледная физиономия с пятнами крови и раздражения, но внутри разливалось какое-то удовлетворение — будто эта боль была платой за неспособность быть тем, кем он хотел бы быть в глазах Марии.

Покончив со лбом и щеками, перешёл к шее — воспалений здесь было меньше, но давить больнее. После каждого выдавленного прыща ополаскивал кожу холодной водой из крана — обжигало, но покраснение немного спадало. Вода в раковине розовела от крови, и Максим тщательно смывал все следы, чтобы мать не заметила.

Когда закончил, достал из кармана брошенных на пол брюк новый флакон одеколона «Саша». Открыл крышку и глубоко вдохнул терпкий древесно-цитрусовый дух. Ему мнилось, что так должен пахнуть настоящий мужчина — уверенный, сильный, достойный внимания такой женщины, как Мария.

Щедро плеснул на ладони и похлопал себя по щекам. Жидкость обожгла свежие ранки, и он зашипел от боли, но не остановился. Нанёс ещё на шею, на запястья, даже капнул немного на грудь. Аромат мгновенно заполнил тесную ванную, перебив и хлорку, и сырость.

Снова посмотрел в зеркало и попробовал улыбнуться. Улыбка получилась кривой, неестественной — губы растягивались, обнажая зубы, но глаза оставались напряжёнными и настороженными. Попробовал другое выражение — серьёзное, деловое, с чуть приподнятым подбородком. Так лучше, но всё равно что-то было не так.

Волосы тоже не слушались. Он намочил их и принялся приглаживать, но непослушные вихры торчали в разные стороны. У матери был старый тюбик бриллиантина, который она хранила ещё со времён молодости. Выдавил на ладонь немного желтоватой густой массы и распределил по волосам, стараясь зачесать их назад, как актёры в кино.

Результат его не удовлетворил, но лучшего добиться не удалось. Вытер ладони о полотенце, ещё раз проверил отражение и покинул ванную.

Мать находилась на кухне, помешивая что-то в кастрюле. Услышав шаги, обернулась и замерла с ложкой в руке.

— Максим? Что с тобой? Ты заболел? — её взгляд скользнул по покрасневшим щекам сына.

— Нет, всё нормально, — буркнул он, опуская голову.

— Чем это от тебя так сильно несёт?.. Это что, одеколон? — в интонации матери слышалось удивление.

— Ну да, — пожал он плечами. — Купил вчера.

Мать хотела что-то сказать, но передумала. Только покачала головой и вернулась к плите. Максим проскользнул мимо в свою комнату, где провёл остаток вечера за переписыванием доклада для райкома.

На следующее утро проснулся раньше обычного. Снова та же последовательность приготовлений в ванной — на этот раз уже не так тщательно, лишь освежился «Сашей» и пригладил волосы. В шкафу нашёл относительно новую рубашку, которую берёт для особых случаев, и выгладил сам, пока родители ещё спали.

В техникуме Максим появился задолго до начала занятий. Коридоры были пусты, только уборщица протирала полы шваброй, оставляя влажные следы на линолеуме. Он прошёл в аудиторию и сел за последнюю парту, открыв учебник и уткнувшись в страницы.

Постепенно коридор наполнялся голосами. Девушки входили группами по две-три, о чём-то оживлённо беседуя. Некоторые останавливались у дверей, бросая любопытные взгляды в аудиторию. Максим улавливал эти взгляды, но не поднимал головы.

— Чем это так воняет? — громко спросила Лариса, остановившись у входа.

— Как будто кто-то облился одеколоном, — хихикнула Наташа.

Максим втянул голову в плечи. Может быть, переборщил с «Сашей»? Но ведь в ванной всё представлялось таким правильным, таким мужским.

Группа девушек вошла в класс и направилась прямо к его парте, обступив со всех сторон.

— Сретенский, это от тебя так разит? — спросила Ирина, наклоняясь ближе и театрально пригнувшись. — Ты что, в парфюме искупался?

Он не отвечал, продолжая смотреть в книгу. Пальцы сжимали учебник до боли.

— Девочки, вы не поняли? — Лариса заговорила нарочито громко, на весь класс. — Наш Сретенский влюбился!

По классу прокатилось хихиканье. Жар залил его щёки.

— Правда? — подхватила Наташа, театрально всплеснув руками. — Кто эта несчастная? Может, наша библиотечарша? Она вроде на него заглядывается!

Веселье стало громче. Кто-то из девушек изобразил, как пожилая библиотечарша поправляет очки и томно вздыхает.

— Нет-нет, — Лариса покачала головой с преувеличенной серьёзностью. — Я думаю, это кто-то из преподавательниц. Он же такой умный, не мог же он влюбиться в обычную студентку.

— А может, это вообще не женщина? — предположила Ирина, и класс взорвался гоготом.

Максим сидел неподвижно. Ещё ниже опустил голову, почти касаясь носом страниц книги. В ушах гудело, а пальцы так сильно сжимали учебник, что, казалось, вот-вот прорвут бумагу.

— Эй, Сретенский, не обижайся, — Лариса положила ладонь ему на плечо, и Максим вздрогнул от неожиданности. — Мы же шутим. Ты просто сегодня такой необычный. И аромат Неужели это «Саша»? Моему дедушке на день рождения такой же подарили.

Новая волна хохота прокатилась по классу. Максим всё ещё не поднимал головы. Боялся, что если посмотрит на них, то либо расплачется, либо закричит — оба варианта были одинаково унижительны.

Звонок возвестил о начале занятий, и девушки разошлись по местам. Преподавательница вошла в класс, все встали. Максим поднялся последним, медленно, будто тело стало чужим.

День прошёл однообразно. Он избегал смотреть на однокурсниц, когда спрашивали, отвечал односложно, а на перемене сразу уходил — в дальний угол коридора или в библиотеку, где никто не стал бы его искать.

Домой вернулся поздно, когда уже стемнело. Родители сидели на кухне, разговаривая приглушёнными голосами. Услышав шаги, замолчали. Он проскользнул в свою комнату, не поздоровавшись.

Сел за стол и достал тетрадь — не ту, в которой писал отчёты, а другую, спрятанную под стопкой учебников. Открыл чистую страницу и взял карандаш. Рука двигалась сама, выводя контуры — овал лица, глаза, нос, губы. Рисовал по памяти, восстанавливая каждую черту Марии.

Высокие скулы, прямой нос, тонкие губы, которые, кажется, никогда не улыбаются. Брови, всегда чуть сдвинутые, будто она постоянно решает задачу. Глаза — холодные, оценивающие, но живые, притягательные в своей недоступности.

Вспоминал детали, подмеченные во время коротких встреч. Маленькая родинка у виска, едва заметная под макияжем. Серьги в ушах — простые, серебряные, без камней. Прядь волос, которую она всегда заправляла за ухо одним и тем же движением — автоматически, без кокетства.

Рисунок получался похожим и одновременно непохожим. В нём было что-то от реальной Марии, но было и что-то дофантазированное — более мягкие черты, менее холодный взгляд. Максим рисовал не столько женщину, сколько образ, в котором смешались действительность и желание.

Закончив, долго смотрел на рисунок, водя пальцем по контуру. Затем аккуратно закрыл тетрадь и спрятал обратно под учебники. Никто не должен был это видеть.

Ночью ему снилась Мария. Она сидела за столом в райкоме, перебирая бумаги, а он находился рядом и ждал указаний. И в этом сне она посмотрела на него — не с презрением или раздражением, а с одобрением, может быть, даже с теплотой. «Хорошая работа, Сретенский», — сказала она, и от этих простых слов его заполнила радость, граничащая с эйфорией.

Утром Максим проснулся с ощущением пустоты. Сон рассеялся, оставив после себя только тупую боль в груди и понимание того, насколько недостижимо всё это было. И всё же он снова пошёл в ванную, снова приступил к знакомой последовательности действий — давил прыщи, брызгал «Сашей», укрощал волосы. Потому что где-то глубоко внутри теплилась нелепая надежда, что однажды она посмотрит на него иначе.

Следить за человеком — необычная форма близости. С каждым днём жизнь Марии становилась для Максима всё более осязаемой. Её расписание, привычки, незначительные детали, которых никто другой не замечал, — всё это складывалось в подробную и кропотливую внутреннюю «картотеку». Он знал, что утром чёрная «Волга» привозит её к ступеням райкома. Что по средам она приходит на работу раньше, а по пятницам задерживается допоздна. Что у неё целый гардероб светлых блузок, которые она меняет по какой-то своей системе. Что когда она стоит у окна кабинета и говорит по телефону, её силуэт замирает, а голова чуть запрокидывается назад — слов не разобрать, но можно представить, как меняется интонация, когда она разговаривает с начальством.

В начале ноября Максим придумал систему. По понедельникам и четвергам приезжал к райкому заранее и устраивался на противоположной стороне площади, у газетного киоска. По вторникам и пятницам прогуливался по скверу с видом на окна её кабинета. Он стал пропускать занятия, выдумывая отговорки о болезнях и семейных обстоятельствах. Записи в той тетради, что лежала под учебниками, становились всё более подробными, превращаясь в настоящий дневник наблюдений. «Сегодня тёмный костюм и красная блузка. Туфли на высоком каблуке. Сумка чёрная, через плечо. Вышла вечером, говорила с мужчиной в шляпе, который ждал у выхода. Улыбнулась ему. Настоящая улыбка».

Настоящие улыбки Марии были редкостью. Максим различал все оттенки её мимики: дежурная улыбка для посетителей райкома, ледяная — для подчинённых, снисходительная — для комсомольских работников вроде него. И та, особенная, которую он впервые увидел, когда возле здания припарковалась чёрная «Волга» и из неё вышел мужчина лет сорока пяти, в тёмном пальто и с кожаным портфелем. Мария тогда выходила из райкома. Увидев его, замерла на мгновение, а потом выражение изменилось — появилась мягкость, которой Максим раньше в ней не видел.

Мужчины, окружавшие её, были особой категорией в наблюдениях. Он изучал их с болезненной тщательностью, подмечая каждую деталь внешности и поведения. Все они были похожи — высокие, уверенные в себе, одетые в хорошие костюмы. Они открывали перед Марией двери, пропускали вперёд, наклонялись к её уху, чтобы сказать что-то, вызывающее у неё короткий смешок. Максим подмечал всё: один поправлял манжеты рубашки перед тем, как пожать ей руку, другой неизменно предлагал сигарету, хотя она не курила, третий держал ладонь на её спине, провожая к машине.

Иногда Максим видел, как Мария садилась в чёрную «Волгу» с водителем. Тот всегда выходил, обходил машину и открывал перед ней дверцу с церемонной вежливостью. Она улыбалась ему — не так, как тому мужчине в пальто, но с какой-то будничной простотой, будто они были давними знакомыми. Максим завидовал этому водителю страшно, иррационально. Что бы он отдал, чтобы каждое утро и вечер быть рядом с ней, слышать её речь, видеть, как устало она откидывается на сиденье после долгого дня!

Воображал, как сам сидит за рулём, как ловит её взгляд в зеркале заднего вида, как она говорит: «Домой, Максим». В этих фантазиях он всегда отвечал ей ровным тоном, глубоким низким голосом, без запинок и дрожи. А потом она приглашала его подняться с ней. В её квартире веяло дорогими духами и свежесваренным кофе. И там, в полумраке комнаты, она становилась другой.

В тот вечер, когда Максим вернулся домой позже обычного, родители уже скандалили. Он замер у двери, прислушиваясь к голосам.

— Всё, с меня хватит! — отчим гремел громче, чем всегда. — Каждый день одно и то же! Работа — дом — работа, и ни на копейку благодарности!

— А чего ты хотел? — мать говорила приглушённо, но с той особой интонацией, которая всегда предвещала худшее. — Медаль за то, что соизволил прийти домой трезвым?

— Я пашу как проклятый, чтобы у вас была крыша над головой!

— У «нас»? — мать засмеялась, и в этом смехе была горечь десяти лет несчастливой брака. — Эта квартира моя, если ты забыл. И зарплаты моей на жизнь хватит. Только ты куда денешься без моих харчей?

Короткая пауза, а затем звук разбившейся о стену тарелки.

— Ты что творишь?! — вскрикнула мать.

— А ну цыц! — заорал отчим. — Достали! Ты со своими претензиями и твой выродок с его бумажками! Целыми днями шляется неизвестно где, а ночью свет жжёт до утра! Я за электричество плачу!

— Он учится

— Учится он! Хрен знает, чему он там учится! Только чужие юбки разглядывать! Видел я его дружков — одни бабы вокруг! Нормальные пацаны в армии уже отслужили, а он всё в своём техникуме прохлаждается! Забирай его и проваливай! Оба проваливайте! Чтоб духу вашего здесь не было!

Максим проскользнул в свою комнату, стараясь не скрипеть половицами. Створку закрыл бесшумно, прислонился к ней спиной, прислушиваясь. За стенкой продолжался крик, что-то упало, слышались рыдания матери. Обыкновенный вечер в их семье.

Он лёг на кровать, не раздеваясь, и надел наушники от старенького кассетного плеера, подаренного двоюродным братом. Музыка — Scorpions, записанные на кассету с иностранной пластинки — заполнила сознание. Закрыл глаза и позволил мыслям унести из этой тесной комнаты с обшарпанными обоями и сыростью.

В его воображении Мария сидела за столом в кабинете. Максим приносил ей отчёт — безупречный, напечатанный на машинке, без единой опечатки. Она читала, медленно переворачивая страницы, а затем поднимала взгляд.

— Прекрасная работа, Максим, — говорила она, и на её губах появлялась та особенная улыбка, которую он однажды видел лишь издали. — Я всегда знала, что в тебе что-то есть.

Затем она вставала, обходила стол и приближалась к нему вплотную. От неё веяло дорогими духами — тем едва различимым ароматом, который он уловил однажды, оказавшись рядом с ней у окна. Её ладонь ложилась ему на плечо.

— Знаешь, ты не такой, как все эти комсомольские работники. В тебе есть глубина...

А он смотрел ей прямо в глаза — без страха, без заикания, как равный. И она видела это, и отвечала таким же прямым взглядом. А потом её пальцы скользили выше, к его шее, к затылку. Она приближала к нему своё лицо, её дыхание касалось губ.

Дальше фантазия разворачивалась знакомым путём: они оказывались на диване в углу кабинета, её строгий костюм — на полу, а под деловой одеждой на ней обнаруживалось кружевное бельё. Она стонала под его прикосновениями, произносила его имя прерывистым шёпотом. В этих фантазиях Максим всегда был уверенным, страстным, знающим, как доставить женщине удовольствие. Движения точные, поцелуи властные. Он овладевал ею снова и снова, а она умоляла не останавливаться.

Реальность вернулась с хлопком входной двери, слышимым даже через наушники, — отчим ушёл, оставив после себя тишину, нарушаемую лишь всхлипываниями матери на кухне. Максим стянул наушники и сел на кровати. Щёки пылали, в теле ещё гудело возбуждение, замешанное на глухом стыде.

К декабрю выпал первый настоящий снег — не грязная каша, перемешанная с реагентами, а белое пушистое полотно, укрывшее всю Москву. Максим шёл к райкому, прижимая к груди папку с очередным докладом. День выдался пустой — в здании почти никого не было. Все ушли на торжественное собрание в честь какой-то очередной важной даты. В коридорах царила тишина, только изредка слышались шаги немногих сотрудников, оставшихся на местах.

Максим сидел на деревянной скамье у кабинета Марии, ожидая её возвращения. Секретарши не было — видимо, тоже ушла на торжество. Отопление работало плохо, в коридоре было прохладно. Он поёжился, сильнее запахивая куртку.

Вдруг до него донёсся знакомый голос. Мария говорила по телефону в каком-то из соседних кабинетов, не замечая приоткрытой двери. Речь звучала иначе, чем обычно — мягче, интимнее, с какой-то мурлыкающей интонацией, которую раньше Максиму не доводилось слышать.

— Да, в пятницу, — говорила она. — В Менделеево, как договаривались.

Максим оцепенел, боясь пошевелиться. Менделеево? Подмосковное село, где у бабушки дача?

— Нет, не сможем вместе ехать, — продолжала Мария. — Слишком рискованно. Мой водитель высадит меня на шоссе у поворота, там есть автобусная остановка. Сказала, что еду к тётке в Солнечногорск Нет, не беспокойся, никто не узнает.

Пауза, во время которой он слышал только собственный пульс.

— Конечно, я соскучилась, — тон Марии стал ещё интимнее. — Целую неделю думаю только об этом Да, и об этом тоже — она негромко рассмеялась, и от этого смеха у Максима всё сжалось внутри.

Затем послышались шаги. Он поспешно отвернулся к стенду с объявлениями, уткнувшись взглядом в график сдачи комсомольских взносов.

Мария появилась из-за угла, на ходу поправляя причёску. Щёки разругались, на губах играла лёгкая довольная улыбка, которая, впрочем, тут же исчезла. Заметив Максима, она слегка нахмурилась.

— А, Сретенский, — тон мгновенно стал официальным. — Что вы здесь делаете? Разве вы не должны быть на собрании с остальными?

— Я документы принёс, — пробормотал он, протягивая папку. — Мне сказали, что вы будете в кабинете.

— Кто сказал? — поморщилась она. — Хотя неважно. Давайте сюда, посмотрю потом. И идите на собрание, нечего здесь торчать.

Она взяла папку, не взглянув на него, и прошла в свой кабинет. Дверь закрылась с едва слышным щелчком, оставив Максима в полутёмном коридоре.

Он стоял неподвижно ещё долго. В голове крутились обрывки случайно подслушанного разговора. Менделеево. Встреча. Автобусная остановка на шоссе. Пятница. Дачный посёлок, где он каждое лето до двенадцати лет жил с бабушкой, собирал в лесу грибы и купался в мутном пруду.

Какое невероятное совпадение... Или не совпадение?

На негнущихся ногах он выбрался из здания. На улице снова повалил снег, засыпая следы на тротуаре. Максим поднял лицо к небу, позволяя снежинкам таять на коже. Менделеево не могло быть случайностью.

Глава 4. Цепочка

Крик ворвался в сон Максима резко, неожиданно. Он не сразу понял, где находится — сквозь щели в занавеске пробивался серый, тусклый свет декабрьского утра, а за стеной нарастала перебранка, переходя от приглушённого шипения к открытой громкой ссоре. Максим повернулся на спину, натягивая одеяло до подбородка, — ещё один день в квартире, которая давно перестала быть домом, ещё один раунд в бесконечной войне между матерью и отчимом, где он оставался одновременно заложником и поводом для новых столкновений.

Даже будильник не звонил. Слишком рано для занятий в техникуме, но для скандала — подходящее время. Грохот бьющейся посуды заставил вздрогнуть. Максим сел на кровати, потирая глаза. Узкая койка скрипнула под его весом — она досталась от какого-то мамино двоюродного брата вместе с облупленным шкафом и столом на покосившихся ножках.

— Опять за своё! — голос матери звенел тем напряжением, которое появлялось на грани срыва. — Деньги, деньги, всегда только деньги! А что кроме них? Что от тебя ещё в этом доме?

— А что ты хочешь? — отчим говорил тягуче, с интонацией, которая появлялась после нескольких рюмок. — Чтобы я тебе стихи читал? Серенады пел? Деньги — вот что реально. Всё остальное — твои бабские фантазии!

— Ты вообще домой приходишь только поспать и пожрать! Отец из тебя

Пощёчина оборвала фразу. Максим сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Такое случалось не впервые. Обычно после этого мать начинала плакать, а отчим уходил, хлопнув дверью. Через день-два возвращался с шоколадкой или бутылкой дешёвого вина — это называлось «помириться». И всё начиналось заново.

Но сегодня что-то пошло иначе. Вместо рыданий послышался грохот падающей мебели и отборная ругань — мать давала сдачи. Максим замер, прислушиваясь.

— Убери от меня руки! — кричала мать. — Хватит! Я не твоя собственность!

— Зато всё остальное моё! — рычал отчим. — Я здесь работаю как проклятый, а ты Кто тебя кормит? Кто твоему выродку позволяет на шее сидеть?

— Не смей его так называть! Он мой сын!

— Твой сын — тряпка! Восемнадцать лет мужику, а он боится в глаза смотреть! Бумажки перебирает, в своей комнатухе прячется! Чем он занимается по ночам, ты знаешь? А я знаю! Видел его тетрадки! Бабу какую-то рисует, часами пялится в окно! Псих ненормальный!

Максим похолодел. Отчим нашёл тетрадь с рисунками Марии! Рылся в его вещах! Сердце заколотилось. Никто не должен был видеть эти рисунки — слишком личные, слишком откровенные.

— Он нормальный! — голос матери дрожал. — Просто чувствительный, не такой грубый, как ты!

— Ага, чувствительный! — отчим засмеялся так громко, что показалось, будто он стоит рядом. — Я тебе покажу, какой он чувствительный! Тетрадку его видела бы! Одну и ту же бабу рисует, как маньяк какой-то! Страницы исписаны — где она была, с кем говорила! Псих!

С силой выдвинутый ящик грохнул за стеной. Максим вскочил с кровати, понимая, что происходит. Отчим обнаружил не только тетрадь с рисунками, но и дневник наблюдений за Марией, где он записывал каждую деталь, каждую встречу, каждый подслушанный телефонный разговор.

— Вот, смотри! — торжествующий тон сопровождался шелестом переворачиваемых страниц. — «Сегодня она была в сером костюме. Улыбнулась секретарше, но не по-настоящему». «Она говорила по телефону семнадцать минут, стояла у окна». Это нормально?! Это, по-твоему, нормально?

Мать что-то невнятно ответила, и Максим представил, как она растерянно смотрит на листы, исписанные его мелким почерком.

— Это ненормально! — отчим словно отвечал на его мысли. — Твой сын — ненормальный! Он следит за женщиной, как маньяк! Записывает каждый её шаг! Как убийца из этих фильмов американских! Я говорю тебе — он опасен! Для себя, для нас, для этой бабы! Его лечить надо!

— Отдай тетрадь! — мать, кажется, пыталась вырвать дневник сына из рук отчима. — Это его личное! Ты не имел права!

— Личное? — раздался хохот, от которого у Максима заныло в животе. — У психов нет ничего личного! Их лечить надо! В дурку его, пока не поздно!

— Замолчи!

— Не замолчу! Хватит! С меня достаточно! Забирай своего выродка и проваливай! Убирайтесь оба! Чтобы духу вашего здесь не было!

Что-то изменилось в Максиме — покорность, годами защищавшая от боли, от унижения, от ничтожности, исчезла. Он вдруг увидел свою жизнь со стороны: комнатуха, набитая чужим хламом, ссутуленные плечи, вечно опущенный взор, привычка говорить шёпотом, чтобы не привлекать внимание. Годы, в течение которых он был невидимкой — для отчима, для матери, для однокурсниц. Не существовал ни для кого, кроме самого себя, и в этом была его свобода.

Максим дёрнул ручку двери на себя — створка распахнулась, и он вылетел в коридор. На кухне отчим нависал над матерью, сжимая в руке тетрадь в синей обложке. Мать пыталась выхватить её, а тот отталкивал, продолжая кричать про дурку и психов.

Максим не помнил, как оказался рядом. Запомнил только удар — свой кулак, врезающийся в физиономию отчима, и странное ощущение удовлетворения и правильности происходящего. Мужчина отлетел через всю кухню и с грохотом врезался в посудный шкаф. Стекло-ные дверцы задрожали, несколько чашек упали на пол, разбившись вдребезги. Тетрадь выпала из рук и заскользила по линолеуму. Из разбитого носа потекла кровь.

Максим стоял, глядя на собственный кулак, всё ещё сжатый, занемевший от удара. Никогда прежде он не ударял человека — ни в детстве во дворе, ни в школе, где над ним посмеивались одноклассники, — и осознание этого пришло с запозданием, после того, как всё случилось.

Мать издала странный звук — то ли всхлип, то ли смешок. Она глядела на Максима так, будто увидела его в первый раз. В её взоре читалось удивление и что-то ещё — может быть, гордость.

Отчим поднял руку к лицу, размазывая кровь, и в его глазах Максим увидел то, чего раньше не замечал — страх. Человек, который годами унижал его, издевался, считал слабаком и тряпкой, сейчас боялся. И это знание пьянило.

— Ты — начал отчим, но Максим не слушал.

Он наклонился, подобрал тетрадь и сунул в карман штанов, которые сам не помнил, как на нём оказались. Прошёл в прихожую, сунул ноги в ботинки, схватил старое пальто с вешалки и распахнул входную дверь.

— Максим! — мать позвала его, в голосе слышалась паника. — Куда ты? Подожди!

Он сбегал по лестнице, перескакивая через ступеньки. На улице декабрьский мороз ударил по лёгким с первым же вдохом, но Максим не замечал стужи. Бежал, не разбирая дороги, — только бы подальше от этой квартиры, от криков, от жизни, которая вдруг сделалась невыносимой.

Сознание прояснилось только в метро, когда он сел в почти пустой вагон на «Щёлковской». Пальцы всё ещё ныли от удара. Куда он ехал? Что собирался делать? Мысли путались, насакивали друг на друга.

И вдруг пришло озарение: Менделеево! Бабушкина дача. Там прошли лучшие годы детства, до того как мать снова вышла замуж. Там всегда было безопасно. И туда в пятницу должна приехать Мария — к мужчине, о котором он узнал случайно.

Он пересел на Кольцевую линию, доехал до «Комсомольской» и вышел на Ленинградский вокзал. Ближайшая электричка до Зеленограда отправлялась через несколько минут. Купил билет на последние деньги и вышел на платформу, где толпились студенты, рабочие, пенсионеры — все спешащие по своим делам.

В тёплом полумраке вагона Максим уселся на лавку и отвернулся, прислонившись лбом к стеклу. За окном мелькали белые поля, редкие деревни, заводские трубы. Монотонность укачивала, и он задремал, но тут же вздрогнул — перед глазами вспыхнула физиономия отчима с размазанной по губам кровью. Ощущения вины не было. За все годы он дал отпор впервые, впервые сделался видимым.

В Зеленограде его встретил пронизывающий ветер. На пустынной остановке несколько человек кутались в шарфы. Подошёл старый ЛиАЗ, идущий до Менделеева. Максим снова уткнулся в окно: те же белые равнины, редкие дымки над крышами, тёмная полоса леса на горизонте.

В посёлке он вышел один. Менделеево в декабре казалось вымершим — только кое-где поднимался дым из труб да виднелись редкие следы на снегу. Максим пониже натянул шапку и зашагал по узкой тропинке к дачам. Сухой снег скрипел под ногами, мороз щипал щёки, но стужа отрезвляла.

Дача встретила пустотой — ни огонька, ни следов во дворе. Максим обнаружил ключ в тайнике — под вторым кирпичом от двери, бабушка всегда там прятала. Руки дрожали, ключ не попадал в замок. С третьей попытки дверь поддалась, и за ней стояла тишина, густая от запаха старого дерева и пыли.

Максим скинул пальто у порога и опустился на колени перед печью. Ритуал растопки был отточен годами: газеты, щепки, поленья. Спичка сломалась, оцарапала палец, но со второй пламя занялось. На столе разложил то, что нашлось в бабушкиных запасах, — банку тушёнки, засохший хлеб, пачку чая, — и поставил воду греться.

Тепло возвращало ощущение жизни. Максим привалился спиной к стене и слушал, как потрескивает огонь в печи. Перед взором всё ещё стояла кухня — кровь на щеке отчима, растерянные материны глаза, тетрадь на линолеуме.

Когда печь разгорелась, он отодвинул коврик, приоткрыл тяжёлый люк в полу кухни и спустился в подвал. Здесь, в прохладной полутьме, было его настоящее место: полки с книгами, коробки с фотобумагой, над продавленным диваном — вырезки из журнала, на столе — самодельный увеличитель и ванночки для проявки.

С включённым фонарём пространство ожило. Максим достал коробку с негативами: деревья, дома, лица, и среди них — одна женщина, всегда с одним и тем же поворотом шеи, одним и тем же выражением. Он перебирал кадры у лампы, откладывая неудачные.

Всё, что было до этого дня, отступило. Мир разделился на «до» и «после» — мать, отчим, удар, побег. Что будет дальше — он не знал, но не боялся.

Снег шёл над Москвой — медленно, невесомо, засыпая следы и дороги. Чёрная «Волга» прокладывала путь по укатанному шоссе на северо-запад, в сторону Зеленограда. На заднем сиденье Мария Шлацкая перечитывала тезисы подготовленной речи, шевеля губами при важных фразах. За шесть лет работы в райкоме она научилась говорить так, чтобы каждое слово звучало весомо и убедительно, даже если оно было выписано из передовицы вчерашней «Правды».

— Андрей Петрович, прибавьте отопление, — бросила она, не отрываясь от бумаг. — Руки мёрзнут.

Водитель молча повернул ручку на приборной панели. Тёплый воздух из решёток доходил до задних сидений едва ощутимо. Мария поморщилась и плотнее запахнула пальто, продолжая вчитываться в доклад. Выступление на заводе «Зубило» было формальностью — очередная галочка в плане партийной работы, — но любая формальность могла обернуться неприятностью, если к ней не подготовиться.

— До места скоро, — водитель произнёс это глухо.

Мария кивнула и отложила бумаги. Из сумочки достала маленькое зеркальце и принялась изучать лицо. Утром она просидела перед зеркалом дольше обычного — не просто макияж, а подготовка к роли. Нужно было соответствовать, чтобы не помешала ни заводская пыль, ни яркий свет, ни пристальные взгляды рабочих, для которых появление женщины из райкома было событием на неделю разговоров.

За окном тянулась зимняя Москва — серо-белая, с редкими пятнами красных флагов и плакатов. Люди шли сгорбившись, пряча носы в воротники. Город в декабре выглядел выцветшим, приглушённым.

— Остановись у обочины, — приказала Мария, заметив впереди продуктовый магазин. — Жди.

Не дожидаясь ответа, вышла из машины, перешагнула грязную лужу и направилась к телефонной будке. Внутри пахло сыростью и чем-то кислым. Трубка была липкой, но Мария, поморщившись, прижала её к уху, набрала номер и опустила в прорезь две копейки.

— Алло? Это я, — шепнула она, понизив тон до интимного полусшёпота. — Всё по плану. Буду к вечеру. Да, остановка на шоссе Конечно, никто не узнает.

Короткий разговор наполнил её теплом и предвкушением. Мария вернулась в машину с еле заметной полуулыбкой, которую тут же спрятала за выражением серьёзности.

Завод «Зубило» встретил их проходной с потускневшим лозунгом «Слава труду!» и припорошённым снегом двором, где несколько рабочих лениво очищали дорожки. Широкие ворота цеха были распахнуты, оттуда доносился лязг металла и гул машин. Всё выглядело серым и невзрачным, кроме красной ковровой дорожки, наспех расстеленной от проходной до актового зала — очевидная попытка придать торжественность визиту.

У входа её встретил директор — грузный мужчина в тесном костюме, с блестящей лысиной и побагровевшими от стужи щеками.

— Мария Станиславовна, рады приветствовать! — прогудел он, пожимая ей руку огромной ладонью. — Коллектив собран, всё готово.

Она ответила дежурной улыбкой, отработанной годами работы с людьми — достаточно тёплой, чтобы не выглядеть высокомерной, но сдержанной настолько, чтобы никто не принял её за расположение.

Актовый зал был заполнен до отказа. Сотни людей в синих рабочих халатах и комбинезонах сидели на деревянных стульях, сколоченных, казалось, при царе Горохе. Под потолком горели тусклые лампы дневного света, а на стене за сценой висел огромный портрет Андропова — нового генсека, чьё изображение ещё не стало привычным на заводских стенах.

Мария поднялась на сцену, расправила плечи и окинула зал взором. Шум стих. Все смотрели на неё — молодую, красивую женщину в элегантном костюме среди людей в рабочей форме, в пыльной обуви, с промасленными руками.

— Товарищи! — микрофон придал речи уверенное и чёткое звучание. — От имени районного комитета партии позвольте поздравить ваш славный коллектив с перевыполнением плана четвёртого квартала!

Зал разразился аплодисментами — не восторженными, но дисциплинированными, как и полагалось на таких мероприятиях.

— В сложных условиях зимнего периода ваш завод показывает пример социалистического отношения к труду. Партия и правительство высоко ценят ваш вклад в развитие народного хозяйства

Речь текла гладко, без запинок. Мария делала паузы в нужных местах, подчёркивала интонацией важные слова, иногда обводила аудиторию взглядом, будто обращалась к каждому лично. Но мыслями была далеко — в Менделеево, где ждал человек с новостями, ради которых стоило терпеть все эти собрания, доклады и казённые фразы.

Когда речь закончилась, она промокнула лоб — в зале было жарко — и послала тем, чьи интересы собиралась представлять в Моссовете, прощальную улыбку:

— Желаю вам новых трудовых побед на благо нашей Родины!

Аплодисменты, несколько возгласов «Ура!». Директор поднялся на сцену и долго тряс ей руку, рассыпаясь в благодарностях. Затем — фотографии для заводской стенгазеты, вручение почётной грамоты, чай в кабинете директора.

— Может, чего покрепче? — предложил директор, выдвигая ящик стола, где явно пряталась бутылка. — Для сугреву?

— Благодарю, но мне ещё нужно работать, — ответила Мария, хотя на деле хотелось просто поскорее закончить с официальной частью. — Кстати, можно воспользоваться вашим телефоном? Нужно позвонить в райком.

Директор тут же вскочил и, рассыпаясь в любезностях, вышел из кабинета, оставив её одну. Мария набрала номер.

— Это я, — выдохнула она в трубку, и тон мгновенно сменился, стал мягче, ниже. — Я в Зеленограде. Скоро буду Да, жду не меньше твоего.

Положила трубку и позволила себе улыбнуться. В этих тайных звонках была особая острота — привкус запретного, делавший всё остальное терпимым.

Когда все формальности были соблюдены, а директор наконец исчерпал запас комплиментов, Мария вернулась к ожидавшей её «Волге». Андрей Петрович дремал за рулём, но тут же выпрямился, увидев её.

— На Ленинградское шоссе, — распорядилась она, устраиваясь на заднем сиденье. — Я скажу, где остановиться.

Водитель кивнул, но в зеркале заднего вида мелькнул вопросительный взгляд.

— У меня личное дело, — добавила она тоном, не терпящим возражений. — Вернусь в город сама.

Машина тронулась, оставляя позади заводские корпуса и промышленные кварталы Зеленограда. За окном тянулись припорошённые поля, редкие деревеньки с покосившимися домами и едва заметные просёлочные дороги. Москва осталась далеко позади, и с каждым километром Мария чувствовала, как отпускает необходимость держать лицо, как можно наконец позволить себе быть просто женщиной, а не функционером районного масштаба.

Когда машина остановилась у поворота на Менделеево, уже смеркалось. Небо над горизонтом приобрело серо-розовый оттенок, какой бывает только зимними вечерами, когда солнце уже ушло, но свет его из-за горизонта ещё достигает земли.

— Вы уверены, что хотите выйти здесь? — в словах водителя слышалось беспокойство. — Поздно, а тут глухомань

— Уверена, — Мария подняла меховой воротник и решительно открыла дверцу. — До понедельника, Андрей Петрович.

Она стояла на обочине, провожая удаляющиеся огни «Волги». В тонких замшевых сапогах на каблуке, совершенно неподходящих для зимней прогулки по сельской дороге, она выглядела здесь чужой — городская женщина посреди белого безмолвия.

Ветер усилился, забираясь под пальто, щипал щёки, шею, руки в тонких перчатках. Мария поёжилась и огляделась. Автобуса ждать бессмысленно — в такое время они ходили

редко. До посёлка было не меньше трёх километров, а идти по накатанной колее на каблуках представлялось безумием.

Вдали показались фары приближающейся машины. Мария, помедлив, решительно вышла на середину дороги и подняла руку. Грузовик ЗИЛ-130 затормозил, обдав её снежной пылью.

— Куда путь держим, красавица? — водитель — мужчина лет сорока с обветренной кожей и густыми усами — высунулся из кабины.

— В Менделеево, если по пути, — Мария одарила его той улыбкой, что действовала на мужчин безотказно.

— Запрыгивай, подброшу, — усач распахнул дверцу. — Только прохладно у меня, печка барахлит.

В кабине пахло соляжкой, табаком и чем-то кислым — то ли квашеной капустой, то ли подтаявшим снегом с сапог. Мария устроилась на краю сиденья, стараясь как можно меньше касаться грязной обивки.

— Из города? — поинтересовался водитель, трогаясь с места.

— Из Москвы, — ответила она коротко, без желания поддерживать разговор.

— А в Менделеево зачем? Там сейчас никого почти, дачный сезон закончился.

— К родственникам, — соврала Мария, уставившись в окно на проплывающие мимо сугробы.

Водитель понимающе кивнул и больше вопросов не задавал, только иногда бросал на неё любопытные взоры, явно пытаясь понять, что делает такая холёная городская дама в этой глуши зимним вечером.

Мария смотрела перед собой, но видела не дорогу, а того, к кому спешила. Константин Сергеевич Шишкин, заместитель начальника главка, был женат, имел двоих детей и прочную репутацию серьёзного работника. Никто, кроме неё, не знал другую его сторону — способного на такие проявления чувств, о которых нельзя было заикнуться в стенах райкома. Их роман длился третий год — тщательно скрываемый, полный условностей и предосторожностей.

Дача в Менделеево — двухэтажный дом с верандой и садом — принадлежала семье Шишкиных. Летом здесь шумели детские голоса, жена Константина выращивала розы, приезжали гости из министерства. Зимой же, когда Людмила с детьми часто уезжала к родителям в Калинин, дом становился их с Марией убежищем. Эти редкие встречи — не чаще раза в месяц — были единственным, что помогало ей терпеть бесконечные собрания и отчёты. Кроме того, Шишкин старательно содействовал её карьере, и это было существенным плюсом в его пользу.

Грузовик остановился у въезда в посёлок.

— Дальше не поеду, мне в другую сторону, — водитель кивнул на развилку. — Тут близко, дойдёте.

Мария поблагодарила и выбралась из кабины, едва не поскользнувшись на обледенелой подножке. Грузовик укатил, оставив её одну на безлюдной улице. Фонари не горели, единственным светом была взошедшая луна, выглядывающая из-за облаков, да редкие светящиеся окна дачных домиков, где зимовали немногочисленные местные.

Она пошла по заметённой улице, стараясь ступать аккуратно, чтобы не провалиться каблуками в наст. Ноги замёрзли, пальцы на руках онемели, но Мария упрямо шла вперёд, представляя, как скоро окажется в тепле, рядом с Константином, и все эти мучения окажутся стоявшими того.

Знакомый поворот, а за ним — двухэтажный домик с зелёными ставнями. В окнах горел свет, из трубы поднимался дым — значит, Костя приехал, ждёт. Мария остановилась у калитки, достала из сумочки зеркальце и помаду. Тщательно подкрасила губы, поправила растрепавшиеся от ветра волосы, расстегнула верхнюю пуговицу пальто, чтобы был виден воротник блузки — глубокого синего цвета, который, как говорил Константин, делал её глаза выразительнее.

Калитка скрипнула под рукой. Три ступеньки крыльца, обитая дерматином дверь. Мария постучала — три коротких удара, их условный сигнал.

Дверь отворилась почти сразу. На пороге — Константин в домашнем свитере и с бокалом в руке. Лицо, обычно оживлённое при виде Марии, застыло, побледнело.

— Что ты здесь делаешь? — прошипел он шёпотом, без попытки пропустить её внутрь.

— Как что? — растерялась Мария. — У нас же встреча

В этот момент из глубины дома донеслось женское:

— Костя, кто там?

За спиной Константина появилась женщина — полная блондинка средних лет в домашнем халате. Она с любопытством смотрела через его плечо.

— Вы кто? — спросила, разглядывая Марию.

— Видимо, женщина ошиблась адресом, — голос её любовника сделался сухим и официальным. — Извините. До свидания.

Дверь захлопнулась перед лицом Марии.

На миг она застыла, не шевелясь, пытаясь осознать произошедшее. Декабрьская стужа забиралась под пальто, под кожу, но Мария не чувствовала её — шок был настолько силён, что она ощущала только тупое, тяжёлое оцепенение.

Медленно повернулась и пошла прочь от дома. Каблук правого сапога подломился на кочке, скрытой под снегом, но Мария даже не заметила. Шла, прихрамывая, по тёмной улице, и с каждым шагом всё, что она старательно выстроила — карьера, связи, расчёты — переставало иметь значение. Осталась только зимняя дорога и она на ней — посреди ночи, посреди ничего.

Ночь в Менделеево была тёмной и безмолвной. Максим стоял у окна дачи, вглядываясь наружу, где виднелись только редкие огоньки соседних домов. Печь остывала — дрова почти прогорели, оставались красные угли, периодически издававшие негромкий треск. Он накинул старую бабушкину телогрейку, висевшую на гвозде у притолоки, и вышел во двор за дровами, сложенными под навесом. На улице стужа перехватила дыхание, и тут же вернулось всё, от чего он бежал весь день.

Дыхание превращалось в пар и растворялось в морозном воздухе. Небо прояснилось, луна освещала снег, деревянный забор отбрасывал тёмно-синие тени, а голые ветки яблонь чётко выделялись на фоне небосклона. Было очень тихо, слышался только скрип снега под ногами.

Максим подошёл к поленнице, накрытой куском брезента, и принялся выбирать сухие поленья. Руки быстро заоченели, пальцы утратили чувствительность, но это было почти приятно — физическое онемение заглушало тревогу. События утра представлялись далёкими: кровь на щеке отчима, материна растерянность, побег из дома. Здесь, в ночном безмолвии дачного посёлка, московская жизнь казалась мутным, чужим воспоминанием.

Охапка дров была готова, когда движение на дороге привлекло его внимание. В лунном свете он разглядел одинокую фигуру, медленно бредущую по улице. Человек шёл, прихрамывая, ссутулившись то ли от озноба, то ли от усталости. Женщина. В городском пальто с меховым воротником, поднятым до самых ушей.

Максим застыл. Этот силуэт нельзя было спутать ни с кем — уверенная осанка, даже несмотря на хромоту, характерное движение руки, поправляющей волосы. Мария Шлацкая. Здесь, в Менделеево! Посреди ночи, одна...

Максим смотрел на неё во все глаза, а она, не замечая его, продолжала свой путь, удаляясь. И вдруг он услышал собственный голос:

— Мария Станиславовна!

Имя вырвалось прежде, чем он успел остановить себя. Голос дрожал — не от стужи, а от невероятности происходящего. Они оба оказались здесь, вдали от Москвы, от райкома, от привычных ролей.

Женщина остановилась и обернулась. В лунном свете её лицо было бледным, с резкими тенями под скулами. Всмотрелась в темноту, щурясь. Максим шагнул вперёд, выходя из-под навеса, и теперь свет падал на его лицо.

В её взоре мелькнуло узнавание — не радость, не удивление, а лишь усталое смирение с очередным поворотом этого вечера. Посреди тёмного зимнего посёлка она увидела что-то знакомое, пусть даже это был всего лишь неуклюжий комсомольский секретарь.

— Сретенский? — произнесла она с разочарованием.

Максим кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Горло перехватило. Мария сделала несколько шагов к нему, и теперь он заметил, что выглядит она не просто уставшей — в ней было что-то новое, незнакомое ему. Что-то случилось с ней, что-то выбило эту всегда уверенную женщину из равновесия.

— Мне нужно где-то переждать до утра, — заявила она, не спрашивая, а констатируя. В интонации не было просьбы — только требование.

— Да конечно, — Максим открыл калитку и отступил в сторону, указывая на тёплый свет из приоткрытых сеней дачи. — Пойдёмте внутрь.

Пропустил её вперёд, и она, прихрамывая, прошла мимо, обдав запахом дорогих духов, смешанным с морозной свежестью. Запах чужой, неуместный среди дерева, печного дыма и снега.

Внутри дачи неловкость между ними ощущалась почти физически. Мария села за кухонный стол, не снимая пальто, готовая в любой момент встать и уйти. Оглядывалась с едва скрываемым презрением: старые обои в цветочек, выцветшие занавески, кухонный гарнитур, купленный, вероятно, в пятидесятые. Скрамность, граничащая с бедностью — всё противоположное тому, к чему она привыкла.

Максим суеился у плиты, подбрасывая дрова, заваривая чай в потрескавшемся эмалированном чайнике. Руки дрожали, чайная ложка звенела о фаянсовые чашки, доставшиеся бабушке от её матери.

— У вас отключён телефон? — нарушила Мария молчание.

— Здесь его никогда и не было, — ответил Максим, стараясь, чтобы речь звучала ровно. — Ближайший — в сельсовете.

Она кивнула, словно подтверждая, что ничего другого и не ждала от этого места.

— Что привело вас в Менделеево? — осмелился спросить Максим, ставя перед ней чашку с дымящимся чаем.

— Планы сорвались, — ответила она сухо, без желания вдаваться в подробности.

Он смотрел на неё — на волосы, растрепавшиеся от ветра, на тонкие пальцы с маникюром, обхватившие чашку, на поджатые губы. И вдруг осознал, что перед ним — не просто недостижимый объект восхищения, а живой человек, который сейчас, возможно, чувствует себя таким же потерянным, как и он сам.

Пытаясь разрядить обстановку, Максим поднялся и подошёл к старому буфету в углу. Там, под стопкой пожелтевших скатертей, лежали две бутылки дешёвой водки — бабушкин запас. Первая была почти полная, вторая — нетронутая.

Он достал целую, с нетронутой крышкой «бескозыркой».

— Может быть?.. — неуверенно спросил, показывая бутылку.

К его удивлению, Мария без колебаний кивнула. Максим налил прозрачную жидкость в две хрустальные рюмки и поставил одну перед ней. Мария взяла, одним движением опрокинула, даже не поморщившись, и аккуратно вернула пустой стаканчик на стол. Потом наконец растегнула верхнюю пуговицу пальто.

— Ещё, — сказала, и это прозвучало почти как приказ.

Максим подчинился. Вторую она выпила медленнее. По щекам разлился слабый румянец, в глазах появился блеск. Протянула рюмку снова, и он снова наполнил.

Бутылка звякала о хрусталь. Рюмка — вдох — выдох — рюмка. Водка обжигала горло и растекалась теплом по телу, но не могла заполнить тишину между ними. После третьей Мария вздохнула и расстегнула все пуговицы. После четвёртой — сбросила пальто совсем, небрежно кинув на спинку стула. Пятая оставила влажный след на нижней губе, который она медленно стёрла пальцем. Расстегнула верхнюю пуговицу блузки — сделалось душно.

— Знаешь, Сретенский, — произнесла она тоном, который стал ниже и глубже, чем тот, которым отчитывала его в райкоме, — иногда я думаю, что всё это — одна большая ошибка.

— Что именно? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Вся эта — она сделала широкий жест рукой, — карьера. Райком. Должности. Перспективы. Вечная гонка.

Замолчала, уставившись в пустую рюмку. Максим снова налил. С каждой минутой Мария всё меньше напоминала ту женщину из райкома — наружу проступал живой, уставший, горький человек.

— Мне было семнадцать, когда я поклялась себе, что никогда не буду жить, как моя мать, — продолжила она после паузы. — Она жила... вот так же... — Мария сделала жест рукой, обводя бедную обстановку дачной комнаты. — В тесной квартире, с мужем-алкоголиком и без копейки за душой. Я думала, что есть другой путь. И я нашла его. Но знаешь, что самое смешное?

Она подняла глаза, и Максим увидел в них слёзы — непролитые, застывшие, от которых взор стал неподвижным.

— Что? — произнёс он шёпотом.

— Этот путь ведёт в никуда. Нет никакой разницы между девочкой из провинции, мечтающей о красивой жизни, и секретарём райкома с отдельной квартирой. Та же пустота внутри.

Максим не верил тому, что слышит. Женщина, всегда казавшаяся ему воплощением силы и уверенности, на его глазах становилась обычным человеком — уязвимым, сомневающимся, способным на слабость.

Бутылка пустела, и разговор становился откровеннее. Мария рассказывала о своих амбициях и неудачах, не вдаваясь в детали, но раскрываясь больше, чем хотелось бы. Говорила о высокопоставленных любовниках, о женщинах-соперницах, об интригах в коридорах власти. В её словах сквозила усталость человека, который слишком долго играл роль.

Максим, осмелев от водки и неожиданной откровенности своей гостьи, достал вторую бутылку, когда первая опустела. Мария, не колеблясь, протянула рюмку. Он наполнил обе до краёв, и они выпили, не чокаясь. Максим вытащил из ящика стола пачку фотографий и стал перебирать снимки. Речь его, обычно придушенная в райкоме, здесь звучала ровнее и увереннее — когда говорил о Платонове, чьи книги стояли на полке в подвале, о детских днях на этой даче, о том, как бабушка учила его слушать тишину леса. Он замолчал на полуслове, когда разговор коснулся причины, приведшей его на дачу — не хотел говорить о вчерашней ссоре с отчимом.

Мария слушала, иногда кивая, иногда задавая вопросы — неожиданно точные и пронизательные. Алкоголь стёр границы между ними, теперь за столом сидели не начальница и подчинённый, а двое, случайно встретившиеся в зимней ночи.

— Поздно, — произнесла наконец Мария, бросив взор на старые ходики на стене. — Мне нужно прилечь.

Встала из-за стола, пошатнувшись. Водка подействовала сильнее, чем она рассчитывала. Максим тоже поднялся, готовый поддержать.

— В той комнате есть кровать, — указал на спальню. — А я лягу здесь, на диване.

Мария кивнула и направилась к проёму, но двинулась не в ту сторону. Вместо спальни, спотыкаясь, свернула на кухню, где под ковриком был открытый люк в подвал — Максим не закрыл его, когда поднимался, лишь накинул отвёрнутый коврик. Он хотел остановить её — не

успел, реакция была замедленной. Нога Марии ступила в пустоту, и она с испуганным криком провалилась вниз.

Грохот падения и поток отборных ругательств заставили Максима броситься к люку. От испуга он мигом протрезвел.

— Мария Станиславовна! — крикнул, заглядывая вниз. — Вы целы?

Она лежала на полу подвала, морщась от боли и потирая лодыжку. В свете, падавшем сверху, её лицо было бледным, но решительным.

— Твою мать, Сретенский! — процедила сквозь зубы. — Ты не мог предупредить?

— Извините, я не успел — Максим уже спускался по лестнице, пропуская ступеньки. — Вы сильно ударились?

— Жить буду, — отрезала Мария, пытаясь подняться. — Подвернула ногу, но ничего серьёзного.

Максим помог ей встать, и она, опираясь на его плечо, огляделась. Взор скользил по полкам с книгами, по фотооборудованию на столе, по дивану в углу. В подвале царил порядок, непохожий на верхние комнаты дачи. Здесь чувствовалось, что каждая вещь на своём месте.

— Так вот где ты прячешься, — пробормотала Мария с непонятной интонацией.

Сделала шаг и поморщилась от боли в лодыжке. Подниматься по крутой лестнице наверх, казалось, было невозможно.

— Я могу лечь здесь, — кивнула на диван. — Слишком много водки И слишком много лестниц для одного вечера.

Максим кивнул и помог ей добраться до дивана. Мария тяжело опустилась, откинулась на подушки и закрыла глаза. Черты смягчились, напряжение отпустило. Без привычной строгости и выверенной маски она выглядела моложе, уязвимее и — Максим едва осмелился признать себе — ещё красивее.

Он стоял рядом, не зная, что делать. Уйти? Остаться? Накрыть её пледом? Каждое действие представлялось неуместным, каждое бездействие — пренебрежением.

Скоро дыхание Марии стало ровным и глубоким — она уснула, измученная холодом, алкоголем и разочарованиями этого дня. Максим неслышно отошёл к столу, сел в кресло и замер, не в силах отвести взор от лица, которое столько раз рисовал по памяти и которое сейчас, в безмолвии подвала, было беззащитным и по-настоящему живым.

Глава 5. Точка невозврата

Жёлтый свет настольной лампы падал на лицо спящей Марии, смягчая строгие черты. В полумраке подвала они казались почти детскими — ресницы отбрасывали длинные тени на щеки, губы слегка приоткрылись, дыхание было ровным и глубоким. Максим сидел в кресле напротив дивана, не отводя взгляда от женщины, которую прежде видел только в строгих костюмах, с безупречной причёской и холодным прищуром глаз. Сейчас, с растрёпанными волосами и без привычной отстранённости, она казалась совсем другой — уязвимой, доступной, настоящей.

Он смотрел на неё, и в памяти всплывали другие картины: Мария в кабинете райкома, поджимающая губы при виде ошибки в отчёте. Мария, произносящая его фамилию с той особой интонацией, от которой хотелось провалиться сквозь землю. Мария, морщащая нос от запаха его дешёвого одеколона. Каждое воспоминание было пропитано унижением, которое он глотал безмолвно, потупив взгляд, сжавшись внутренне.

«Какой же вы неумёха, Сретенский!» — звучал в памяти её голос, когда он не мог открыть окно в кабинете.

«Это называется отчёт?» — спрашивала она, брезгливо перелистывая страницы, над которыми он просидел всю ночь.

Он вспомнил, как, приехав в техникум, она обронила, проходя мимо: «Мы что, принимаем в комсомольские секретари кого попало?» Слова не предназначались ему, но он услышал, и они засели в памяти навсегда.

Водка, выпитая за вечер, туманила рассудок, но странным образом обостряла чувства. Стыд и страх, вечные спутники всех встреч с Марией, отступили, уступив место чему-то другому — тёмному, горячему, настойчивому. Желание поднималось изнутри, размывая все преграды, все условности и запреты, выстроенные годами.

Максим встал с кресла и шагнул к дивану. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его стук должен разбудить спящую. Ещё шаг. И ещё один. Теперь он стоял рядом, глядя сверху вниз на ту, ради которой ездил в райком снова и снова.

Опустился на колени. Ладонь поднялась и зависла в воздухе. Палец коснулся щеки Марии — тёплой, живой. Она не проснулась, лишь повернула голову, подставляя щеку прикосновению.

Максим наклонился ниже. Запах духов, смешанный с водочным, дурманил сильнее любого алкоголя. Их лица были так близко, что он ощущал её дыхание на своих губах. Мгновение — и он преодолел последние миллиметры, коснувшись губами её губ.

Первое прикосновение было почти невесомым — лёгкое касание, едва ощутимое. Но когда она не проснулась, не оттолкнула, его смелость возросла. Следующее прикосновение было уже настойчивее — прижался сильнее, чувствуя податливость и мягкость её губ. Взял нижнюю губу в рот, слегка прикусил — и ощутил упругое сопротивление. Лёгкий привкус вишнёвой помады остался на его собственных губах сладковатым следом.

Мария пошевелилась, но не проснулась. Веки дрогнули и остались закрытыми. Лишь вдохи участились — тело реагировало на прикосновения, пока разум оставался в плену сна.

Пальцы Максима дрожали, когда он потянулся к пуговицам блузки — тёмно-синей, шёлковой, явно импортной. Таких не продавали в обычных магазинах — их привозили из загранкомандировок или доставали в спецраспределителях. Первая пуговица поддавалась не сразу — непослушные от волнения и выпитого пальцы никак не могли справиться с маленьким перламутровым кружочком. Наконец она растянулась, открыв полоску кожи и кружевной край бюстгальтера.

Вторая. Третья. С каждой расстёгнутой пуговицей сердце билось всё чаще. Четвёртая. Пятая. Шёлк распахнулся, открывая белый бюстгальтер с маленьким бантиком между чашечками. Такое бельё он видел только в журналах, которые тайком передавали из рук в руки.

Просунув спящей руку под спину, он немного приподнял её, чтобы стянуть блузку полностью. Голова Марии безвольно откинулась, волосы упали на подушку. Максим аккуратно опустил её назад и положил блузку на край дивана.

Юбка — тёмно-серая, узкая, с высокой талией — была следующей. Молния сбоку поддавалась легко. Он потянул юбку вниз, обнажая стройные ноги в капроновых колготках. Ноги были красивые — длинные, с изящными лодыжками, хотя правая слегка припухла после падения.

Колготки он снимал с особой осторожностью, боясь порвать. Медленно скатывал капрон, открывая сантиметр за сантиметром гладкую поверхность бёдер, колен, икр. Мария во сне пошевелила ногой, и Максим замер. Но она лишь вздохнула и повернула голову.

Теперь она лежала перед ним почти обнажённая — в одном белье, резко выделявшемся на тёмной обивке дивана. Бюстгальтер подчёркивал высокую грудь, а трусики — белые, кружевные — едва прикрывали низ живота.

Максим никогда не видел женщину в таком белье. Весь его опыт ограничивался торопливыми, неловкими сближениями в темноте общежития или на скрипучем диване чьей-то пустой квартиры. Там не было времени разглядывать, изучать. Там было только спешное желание и такое же спешное разочарование.

Он расстегнул застёжку бюстгальтера, и грудь освободилась. Соски — тёмно-розовые, напрягшиеся от прохлады подвала — выделялись на бледной коже. Максим провёл по одному из них пальцем, и тот затвердел ещё сильнее.

Его ладони накрыли её грудь — прохладные пальцы на тёплом теле создавали контраст, от которого по телу Марии пробежала дрожь. Наклонившись, он вдохнул запах кожи — тот же аромат дорогих духов и что-то неуловимо женское, прежде чем губами нашёл напрягшийся сосок.

Последнее — трусики — далось сложнее всего. Не потому, что их было трудно снять, а потому, что это был последний рубеж перед полным обладанием женщиной, которую он боготворил и ненавидел одновременно. Медленно потянул ткань вниз, и она сошла по бёдрам, открывая треугольник тёмных волос.

Мария лежала перед ним обнажённая — тёплая и живая. Максим смотрел на неё, не веря собственным глазам. Эта женщина, недоступная, высокомерная секретарь райкома, сейчас была в его власти — беззащитная, открытая.

Он торопливо расстегнул собственные брюки. Пальцы не слушались от нетерпения и страха одновременно. Неловко пристроился между её ног, раздвигая колени, и почувствовал жар тела.

Первое соединение было осторожным — боялся причинить ей боль, боялся, что она проснётся. Но Мария лишь вздохнула во сне, и тело податливо приняло его. Максим начал двигаться — сначала медленно, потом всё быстрее, уже не думая ни о чём.

Дыхание становилось всё более рваным, движения — всё более резкими. В ушах шумело, перед глазами плыли красные круги. Это было не похоже ни на что из прежнего. Это было обладание, власть, реванш за все унижения.

Удовольствие нарастало, становясь почти невыносимым, и когда оно достигло пика, Максим не сдержал громкий стон, выгнувшись всем телом.

В этот момент Мария открыла глаза.

Секунда непонимания — затуманенный взгляд, попытка осознать, где она и что происходит. Потом — узнавание. И следом — вопль.

— Что что ты делаешь?! — голос был хриплым от сна и водки.

Максим застыл, всё ещё находясь в ней. Лицо, мокрое от пота, исказилось от ужаса.

— Я я — он не мог выдавить из себя ни слова.

Мария резко села, оттолкнув его с такой силой, что он рухнул на пол. Её зрачки расширились от шока и ярости.

— Ты ты — она задыхалась от гнева. — Ты понимаешь, что натворил?!

Схватила подушку, прикрывая наготу, и вскочила с дивана.

— Тебя посадят! — надрывалась она, хватая с пола свои вещи. — Я тебя уничтожу! Ты — никто! Понимаешь? Никто!

Замахнулась и ударила его по щеке — сильно, наотмашь. Потом ещё раз, и ещё. Ногти оставили кровавые полосы на скуле.

— Сука! Ничтожество! — её голос срывался на визг. — Ты труп! Ты понимаешь это? Труп!

Максим пятился назад, к ступеням. Всё, что произошло, вдруг предстало перед ним в ином свете — не страстный порыв, не акт любви, а изнасилование. Преступление, за которое дают сроки, ломающие жизни.

Он повернулся и бросился к лестнице, буквально взлетев наверх, перепрыгивая через ступеньки. Мариякинулась за ним, но подвёрнутая нога подвела. Она вскрикнула от боли и рухнула на колени.

— Стой! — крикнула яростно. — Не смей уходить! Вернись сюда немедленно!

Но Максим уже был наверху. Одним движением захлопнул тяжёлый люк и задвинул засов. Металл лязгнул коротко и окончательно.

Снизу долетали удары и вопли. Мария кое-как сумела подняться по лестнице и теперь колотила в крышку кулаками, требуя выпустить её. Приглушённые толстой древесиной слова едва пробивались наверх.

— Выпусти меня! Слышишь? Я тебя уничтожу! От тебя ничего не останется!

Максим стоял над закрытым люком, тяжело дыша. Ноги подкашивались. Хмель выветрился окончательно, оставив после себя только мутную головную боль и осознание непоправимого.

Он рухнул на колени прямо на кухонный линолеум. Снизу, из-под пола, продолжал пробиваться приглушённый голос Марии, полный ярости, которую не могли заглушить ни доски, ни запор. Но он его уже почти не слышал. Живот скрутила тошнота — не от водки, а от осознания того, что, захлопнув крышку, он не закончил кошмар, а лишь начал его.

Обхватив колени, юноша сжался в комок на полу и начал раскачиваться. Внутренности свело, рот наполнился горькой слюной, но рвота не наступала, пустой желудок только скручивали мучительные спазмы, один за другим, без облегчения.

— Ты труп, Сретенский! — слышалось снизу. — Я знаю всех в КГБ! Тебя найдут даже на Чукотке!

По его щекам текли слёзы, лоб покрылся холодным потом. Восемнадцать лет. Всего восемнадцать, а он уже совершил два тяжких преступления — изнасилование и похищение. Статья 117, часть вторая — от трёх до семи лет. Статья 126 — от трёх до десяти. Он помнил эти цифры из лекций по советскому праву, которые вела в техникуме Антонина Сергеевна. Тогда эти знания казались абстрактными, не имеющими никакого отношения к его жизни.

— Десять лет, — прошептал он. — Десять лет лагерей.

Попытался ухватиться за край стола, чтобы подняться, но пальцы соскальзывали, руки обессилели. С третьей попытки всё же выпрямился. Колени подгибались, пол качался. Вопли снизу стали тише — Мария охрипла или собирала силы для нового натиска. Он оперся на стол ладонями, низко опустив голову.

— Что я наделал?.. — пробормотал, не узнавая собственного голоса.

Посмотрел на засов. Нужно отодвинуть его, выпустить её, принять последствия. Это — единственный выход. Он шагнул к люку и остановился, глядя на железную планку. Снизу всё ещё долетал голос Марии — более тихий, но не менее яростный.

— Как только я выйду отсюда, — тон был глухим, но отчётливым, — лично прослежу, чтобы тебя опустили в первый же день в зоне. Знаешь, что там делают с насильниками? Тебя будут драть все, кому не лень, а потом перережут горло в душевой!

Ладонь Максима, уже протянутая к засову, замерла. Холодный пот струился по спине, футболка промокла насквозь. Он попятился от крышки подвала, споткнулся и чуть не упал.

— Я знаю, что ты там! — выкрикнула Мария, и в её интонации появилось что-то новое — не только гнев, но и расчёт. — Думаешь, тебе это сойдёт с рук? У меня связи во всех органах! Тебя даже судить не будут — просто найдут с перерезанными венами в ванной. Самоубийство на почве душевного расстройства. И никто не усомнится!

Максим продолжал пятиться, пока не упёрся спиной в стену. Медленно сполз по ней, обхватил голову ладонями и замер.

Следующие дни слились в один непрекращающийся кошмар. Он почти не спал — отключался урывками, сидя на стуле, прислонившись к перегородке. Еда не лезла в горло. Он осунулся, скулы заострились, под глазами залегли глубокие тени. Временами казалось, что всё это происходит не с ним, а с кем-то другим.

Крики Марии то затихали, то возобновлялись. Иногда она умоляла выпустить её, иногда угрожала, иногда просто плакала. От её слёз Максиму становилось хуже, чем от угроз. Но он не открывал крышку — не мог заставить себя. И с каждым днём выпустить её становилось всё страшнее. Сегодня его ждала тюрьма за изнасилование, завтра — за похищение, а послезавтра — за убийство, если она умрёт там, внизу, без воды и пищи.

На третий день он снова подошёл к люку. Голос Марии к тому времени ослаб — она уже не надрывалась, а хрипло бормотала проклятия, перемежая их обещаниями. Максим опустился на колени у проёма, почти касаясь засова.

— Сретенский, — просочилось снизу, — если ты сейчас же не откроешь, я клянусь, что все узнают, что ты шпион. Да-да, шпион! У меня есть доказательства. Тебя не просто посадят — тебя расстреляют. Мой дядя — полковник КГБ. Он лично займётся твоим делом.

Максим отёр ладонь. КГБ! Расстрел. Он никогда не интересовался политикой, не говорил ничего предосудительного, но это не имело значения. Если она действительно имела такие связи — ему конец. Несколько дней в камере, короткий суд и подвал на Лубянке. Никто никогда не узнает, что с ним стало.

Он отполз подальше от люка и сел у окна, глядя на заснеженный двор. Если выпустить её — его ждала тюрьма или смерть. Если не выпускать — смерть ей, а ему — расстрельная статья. Выхода не было.

К вечеру четвёртого дня Мария замолчала совсем. Из-под пола просачивались только слабые стоны — всё реже, всё глуше. Максим понял, что если не даст ей воды и пищи, к утру у него на руках будет труп. Эта мысль подняла его с кровати, на которой он лежал не шевелясь.

Приготовил немного снеди — разогрел банку тушёнки, отварил картошку, отрезал кусок чёрного хлеба. Налил в бутылку воды из колодца. Всё это делал не думая, руки работали отдельно от сознания.

С тарелкой и бутылкой подошёл к люку. Засов поддался с трудом — металл был покрыт ржавчиной от подвальной сырости. Крышка поднялась с протяжным скрипом. Тяжёлый запах — пота, немытого тела и чего-то ещё, неопределимого — ударил в ноздри. Максим зажмурился, потом медленно разомкнул веки.

Мария сидела на полу у дальней стены, обхватив колени. Её волосы, всегда безупречно уложенные, висели сальными прядями. Блузка, которую она успела натянуть, была помята и

испачкана. Покрасневшие от слёз глаза смотрели на него с такой ненавистью, что Максим невольно отшатнулся.

— Пришёл добивать? — хрипло спросила она, не делая попытки подняться.

— Я я принёс поесть, — пробормотал он, не поднимая взгляда.

— Чтобы я не сдохла раньше времени? — в тоне звучала горечь. — Боишься, что труп найдут?

Он промолчал. Спустился по ступеням и поставил тарелку и бутылку на пол, ближе к ней. Затем попятился обратно, по-прежнему не глядя на пленницу.

— Смотри мне в глаза, — потребовала она. — Если у тебя хватило смелости сделать то, что ты сделал, найди в себе силы посмотреть мне в лицо.

Но он не мог. Физически не мог заставить себя. Отступив ещё на шаг, развернулся и быстро поднялся вверх. Тяжёлая створка упала на место, щёлкнул запор.

В тот вечер, проходя мимо тёмного окна, Максим взглянул на своё отражение и отпрянул. В тусклом стекле увидел не себя, а кого-то чужого — осунувшегося, с диким выражением и незнакомыми чертами. Этот человек в отражении пугал его больше, чем все угрозы Марии. Этот человек был способен на то, что совершил Максим, — и мог сделать ещё хуже.

С тех пор он избегал окон и зеркал. Проходя мимо, отворачивался или закрывал глаза.

Ярость распирала Марию изнутри. Она колотила по крышке кулаками, не чувствуя боли от ударов о твёрдую древесину, не замечая, как кожа на костяшках лопается, оставляя кровавые следы на дереве. Вопль за воплем вырывался из горла — угрозы, проклятия, обещания расправы. Надрывалась до хрипоты, до рези в связках, но крышка оставалась закрытой, а Сретенский не отзывался наверху.

— Статья сто семнадцать! — хрипела она, обращаясь к безмолвной створке. — От трёх до семи лет лишения свободы! А с квалифицирующими признаками — до десяти! Плюс похищение человека! Ты понимаешь, что тебе светит, Сретенский?

Остановилась, переводя дыхание. Опустила взор на свои ладони. Костяшки были разбиты, кожа содрана, кровь сочилась из ранок, но телесная мука не могла сравниться с унижением от собственной беспомощности. Она, Мария Шлацкая, секретарь райкома комсомола, человек, привыкший управлять ситуацией, отдавать приказы, решать чужие судьбы, — сейчас была заперта в подвале, на заброшенной даче, в захолустном дачном посёлке.

Спустилась со ступеней, прихрамывая. Лодыжка, повреждённая при падении, опухла ещё сильнее и пульсировала тупой ноющей болью при каждом шаге. Она доковыляла до дивана и тяжело опустилась на него, поджав больную ногу. Ярость постепенно уступала место холодной, расчётливой злобе.

— Я выберусь отсюда, — прошептала, глядя на тёмную крышку подвала наверху. — А ты сгниёшь в лагерях, Сретенский. Клянусь!

Первые часы она надрывалась — бессильно, отчаянно, пытаясь докричаться до него. Но постепенно начала осознавать, что воплями ничего не добиться. Нужна стратегия. Нужен план. Как в работе — чёткий, продуманный, поэтапный.

Когда ярость немного улеглась, она принялась методично исследовать подвал. Простукивала стены, ползала на коленях по холодному цементному полу, ощупывая каждую трещину, каждую неровность. Пальцы скользили по шероховатому бетону, ногти ломались о неровности цемента. Измеряла на глаз расстояние между полками и потолком, шагами — между столом и перегородками — всё с единственной мыслью: найти выход.

Помещение было оборудовано как фотолаборатория и рабочий кабинет одновременно. Вдоль одной стены тянулись книжные полки, плотно заставленные книгами — много Платонова, Булгаков, Ахматова, ещё какие-то незнакомые ей авторы. Напротив висел самодельный стенд с фотографиями — природа, какие-то люди, городские пейзажи. На столе — увеличи-

тель, ванночки для проявки, химикаты в бутылках. Здесь было чьё-то обжитое убежище, обустроенное с терпением и тщательностью.

Она ощупала каждую поверхность, изучила до последнего шва. Бетон был сплошным — ни единого просвета, ни малейшей щели. Погреб был герметичен. Люк наверху оставался единственным путём наружу.

Вернулась к проёму, осмотрела петли, доски были толстыми, запор располагался снаружи. Конструкция выглядела неприступно. Даже с инструментами сорвать петли было бы непросто. А у неё не было ничего, кроме собственных ладоней.

Мария села на диван. Она отказывалась поддаваться отчаянию. Выход должен быть. Она всегда находила решения. Всегда. В этом была её сила — в способности анализировать ситуацию и находить оптимальный ход.

На четвёртые сутки услышала шаги наверху. Тяжёлые, неуверенные. К тому времени она сидела на полу у дальней стены, обхватив колени, глядя перед собой пустым взглядом. Сретенский всё же открыл люк — принёс немного еды и воду, которую она выпила почти всю, жажда мучила её сильнее всего. Мария пыталась что-то говорить ему, но он быстро поставил принесённое у подножия лестницы и ретировался.

Немного поколебавшись, она поела, хотя аппетита не было, но она решила, что нужны силы. После этого измученный организм сдался, и Мария неожиданно для себя заснула, вернее, отключилась, вытянувшись на диване.

Сколько проспала — она не знала. Проснулась от лязга запора — ржавая задвижка со скрипом отъехала в сторону. Тут же вскочила с дивана, игнорируя саднящую лодыжку, и встала напротив проёма. Крышка открылась, и в подвал проник свет из кухни.

— Сретенский, — начала она тоном, которым обычно отчитывала нерадивых комсомольцев, — ты не понимаешь, во что ввязался. Тебя ищут. КГБ поднято на ноги. Моё исчезновение — не просто пропажа человека. Это ЧП районного масштаба.

Максим спустился вниз, держа тарелку с едой и бутылку воды. Его взгляд был направлен куда-то мимо неё.

— У тебя ещё есть шанс, — продолжила она, следя за каждым его движением. — Выпусти меня сейчас — и я скажу, что заблудилась. Что переночевала у местных. Чем дольше ты держишь меня здесь, тем дольше тебе придётся сидеть. Это простая логика.

Он не отвечал, просто поставил снесь и воду на стол и направился к лестнице.

— Послушай меня! — Мария схватила его за локоть, но он резко вырвался и подался назад. — Мне невыгодно разглашать всё это. Подумай сам — зачем мне скандал? Отпусти меня — я буду молчать. Клянусь! Это выгодно нам обоим.

Максим бросил на неё пустой, отсутствующий взор. Без слов развернулся и двинулся к ступеням.

— Они найдут тебя и уничтожат! — выкрикнула Мария ему вслед. — Ты не представляешь, какие у меня связи! Мой дядя — полковник КГБ! Он сотрёт тебя в порошок!

Крышка со стуком обрушилась на проём, оставляя её наедине с эхом собственных слов. Мария медленно опустилась на стул, чувствуя, как внутри растёт холодное, паническое осознание: угрозы не работают. Логика не работает. Торг не работает. Ничего не работает.

Дни шли. Максим регулярно приносил провизию, но не произносил ни слова. Мария испробовала все подходы — от угроз до мольбы, от рационального убеждения до обещаний материальных благ. Он слушал безмолвно, уткнувшись взглядом в пол, а потом уходил, задвигая запор.

Потом пропал. Двое суток его не было. Двое суток она просидела в подвале, питаясь остатками черствеющего хлеба и консервов. Уже начала думать, что он не вернётся вовсе, что оставит её здесь умирать.

Он вернулся утром. Мария проснулась от скрипа петель. Створка поднималась медленно. В прямоугольнике света появился силуэт Максима — спускался по ступеням с посудой и бутылкой. Но что-то изменилось. Что-то неуловимое в походке, в линии плеч, в том, как он держал голову. Мария приподнялась на локтях, вглядываясь в его черты, и поняла: перед ней стоял уже не перепуганный мальчишка, который запер её здесь в приступе паники. Это был кто-то другой — в том же облике, но с совершенно иным выражением.

Он осунулся за эту неделю. Щёки впали, под глазами залегли тени. Но дело было не в этом. Взгляд стал другим — твёрдым, решительным, холодным. Взгляд человека, который что-то для себя решил.

— Максим, — сказала Мария, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Нам нужно поговорить. Ты держишь меня здесь уже неделю. Люди ищут меня. Моё исчезновение невозможно скрыть. Чем дольше ты меня здесь держишь, тем хуже будут последствия.

Он без единого слова поставил тарелку и бутылку на стол. Движения были механическими. Ни один мускул не дрогнул, когда услышал её слова.

— Выслушай меня, — продолжила она, делая шаг вперёд. — Если ты выпустишь меня сейчас, я обещаю, что не буду заявлять. Я скажу, что сама здесь пряталась, что мне нужно было время подумать. Никто не узнает, что произошло.

Максим уставился на неё — пустым, неподвижным взором. Затем медленно двинулся навстречу. Выражение на лице не менялось.

Мария попятилась, инстинктивно чувствуя опасность. Спина упёрлась в холодную бетонную стену.

— Что ты делаешь? — спросила она, и в интонации впервые за всё время звучал не гнев и не презрение, а страх.

Он не ответил. Протянул ладонь и коснулся её щеки — жест, который мог бы показаться нежным, если бы не был таким чужим.

Мария оттолкнула его ладонь и попыталась проскользнуть мимо, но Максим схватил её за плечи и с силой вжал в стену. Она вскрикнула — не столько от боли, сколько от шока. В его зрачках не было ни сомнений, ни колебаний — только холодная решимость.

— Отпусти меня! — потребовала она, пытаясь вырваться. — Немедленно! Я обещаю, что не буду

Борьба была короткой. Они оказались на полу — Максим сверху, придавливая её своим весом, Мария под ним, всё ещё сопротивляющаяся, но уже понимающая тщетность усилий. Что-то сломалось внутри неё. Медленно выдохнула и, глядя куда-то мимо его плеча, сама раздвинула ноги.

Лицо её застыло в ледяном презрении, губы сжались в тонкую линию, а глаза смотрели в пустоту — не на Максима, не на потолок, а в какую-то точку, видимую только ей.

Он одним движением стянул с неё трусики и мягко, медленно проник в неё. Мария стиснула зубы, отказываясь издать хоть звук. Повернула голову к стене, уставившись на шероховатый бетон, мысленно считая каждый шов, каждую трещину. Тело онемело — она не чувствовала ни прикосновений, ни его тяжести, только холод пола у щеки и собственное дыхание — частое, поверхностное. Максим двигался не размыкая губ. Веки полуопущены, лицо напряжено, но не от страсти — от решимости довести начатое до конца.

Когда всё закончилось, так же беззвучно поднялся, застёгнул брюки и двинулся к ступеням. Ни слова, ни взгляда назад.

Мария осталась лежать на полу, не двигаясь. Только когда створка люка наверху обрушилась и проскрипел запор, позволила себе свернуться в комок. Не плакала — слёз не было. Была только пустота и оцепенение.

Долго лежала так, прежде чем нашла в себе силы подняться. Каждый мускул ныл от напряжения и борьбы. Подобрала разорванную блузку, попыталась прикрыться, но ткань была

безнадёжно испорчена. В шкафу нашлась старая мужская рубашка — вероятно, принадлежавшая деду Максима. Она натянула её, закатала рукава и снова села на диван.

Сидела, глядя на тёмный проём наверху. Мыслей не было — только ощущения. Ломота в теле. Холод бетонных стен. Его запах на коже, от которого хотелось отмыться, но не было возможности.

Когда лампочка под потолком начала мигать, Мария наконец осознала весь ужас своего положения. Её пленение не было импульсивным поступком напуганного мальчишки. Не было временным помутнением рассудка. То, как он вёл себя, та методичность, с которой действовал, говорили о чём-то более страшном. На её глазах неуверенный юноша превращался в человека, способного без колебаний переступить через всё. В человека, готового держать её здесь не дни и недели, а месяцы и годы.

Она всегда была сильной, всегда держала ситуацию под контролем. Даже здесь в первые дни верила, что сможет найти выход — перехитрить его, убедить, запугать. Но сейчас, глядя на закрытый люк, впервые полностью осознала: это не временный перерыв в привычной жизни. Это новая реальность, из которой нет простого выхода. И Максим Сретенский, которого она помнила — неловкий, краснеющий от каждого её слова — больше не существовал.

Глава 6. Поиски

К несчастью для Марии, старый ЗИЛ-130 с облупившейся синей кабиной, подбросивший её до Менделеева, на обратном пути не справился с управлением на обледеневшей от мокрого снега эстакаде. Машина пробила ржавое ограждение и рухнула с пятнадцатиметровой высоты. От удара о бетонное основание бензобак взорвался, и машина вспыхнула — пламя было видно за несколько километров в ночной темноте.

В понедельник Мария не вышла на работу. Коллеги обеспокоились только к среде — никто не мог до неё дозвониться. Водитель, посланный к ней домой, вернулся ни с чем. К утру четверга новость достигла библиотечного техникума, обрастая деталями и домыслами с каждым пересказом.

Коридоры, в другие дни полупустые и сонные, не затихали. Студенты сбивались в кучки у подоконников, преподаватели группками стояли возле кабинетов, все говорили вполголоса, но в общем гуле приглушённых разговоров Максим безошибочно улавливал главную тему — исчезновение секретаря райкома комсомола Шлацкой. Он шёл сквозь эту нехарактерную суету, опустив глаза, сгорбившись по привычке, но внутренне собранный и настороженный.

Почти неделя прошла с того момента, как он запер её в подвале дачи. За эти дни успел дважды съездить домой, забрать необходимые вещи и книги, объяснить матери, что будет жить у бабушки. Мать не задавала лишних вопросов — после ссоры с Максимом отчимом ей было даже легче, что сын решил временно пожить отдельно. За эти дни что-то в нём изменилось, затвердело.

— Говорят, её машину нашли, а саму нет, — донеслось из группы девушек второго курса.

— Вот ещё! Не говори, чего не знаешь! У неё свой водитель и служебная машина, — возразил кто-то.

— Да ладно, я слышала, что она вообще с каким-то мужиком уехала, — со знающим видом заявила ещё одна, поправляя комсомольский значок на вязаной кофте.

— А мне Верка сказала, что уже КГБ подключили. У неё тётка в милиции работает.

Максим замедлил шаг, делая вид, что ищет что-то в сумке, а сам ловил каждое слово. Пульс оставался ровным — ни намёка на ту панику, которая колотила его ещё несколько дней назад. Тело перестроилось на новый режим существования.

Он двинулся дальше, обходя тесные кружки студентов и преподавателей, вслушиваясь в обрывки разговоров.

— шофёр говорит, высадил на трассе по её просьбе

— в Менделеево, представляешь? Что ей там делать было

— может с дачниками какими неприятность вышла

Возле кабинета основ библиотечного дела стояла группа преподавателей — среди них Алла Борисовна, пожилая женщина с поджатыми губами и старомодной причёской, и Николай Петрович, мужчина с залысинами и усталыми глазами. Максим нарочно прошёл мимо, замедляя шаг у соседней двери.

— Так что же произошло? — допытывалась Алла Борисовна. — Мне Клавдия из районо говорила, что все на ушах стоят.

— Насколько я знаю, — Николай Петрович понизил тон, и Максиму пришлось напрячь слух, чтобы расслышать, — водитель показал, что высадил её на шоссе, у поворота на дачный посёлок. Она сама попросила — сказала, что к родственникам заедет. А потом — как в воду канула.

— Может, врёт водитель? — Алла Борисовна любила драматизировать.

— Зачем ему? — Николай Петрович пожал плечами. — У него алиби.

Максим отошёл дальше и остановился у доски с расписанием, делая вид, что интересуется порядком лекций. Сам же прислушивался к разговорам — ни одно слово не ускользало от внимания.

— Там ещё история странная, — продолжил Николай Петрович, заговорив тише. — ЗИЛ какой-то с путепровода слетел недалеко от поворота на Менделеево. Перевернулся и сгорел.

— Господи! — Алла Борисовна прижала ладонь ко рту. — Шофёр хоть жив остался?

— Какое там. Обгорел до неузнаваемости. Опознали только по номерному знаку.

— Ужас какой, — она покачала головой. — И при чём тут Шлацкая?

— А вот в том и дело. Там такое месиво, что эксперты даже не могут точно сказать, сколько человек было внутри. То ли один, то ли кто-то ещё с ним ехал. Останки разрушены настолько, что не разберёшь.

— Да ты что! — глаза Аллы Борисовны расширились. — Думаешь, она могла там быть?

— Не знаю, — Николай Петрович оглянулся по сторонам. — Но слухи ходят. Никто ведь точно не знает, куда она направлялась после того, как её высадили на шоссе. Опознание уже было, но точно ещё не сказали. Экспертиза нужна.

Максим отвернулся от расписания и неторопливо направился в сторону комсомольской комнаты. Выражение его лица оставалось равнодушным, только на виске едва заметно пульсировала жилка. Грузовик, подвозивший Марию, разбился. Шофёр погиб. В машине нашли чьи-то кости, возможно не только его. Максим ещё не понимал до конца, как это может повлиять на его положение, но что-то внутри подсказывало: это важно.

В комсомольской комнате он сел за свой стол и начал перебирать бумаги, складывая в стопки. Движения были точными, уверенными — никакой суеты, никакой нервозности. Только пальцы иногда замирали над очередным листом, когда мысль о произошедшем прерывала механическую сортировку.

Скрипнули дверные петли, и в комнату вошла Лара — однокурсница, когда-то высмеявшая его одеколон. Сейчас она выглядела взволнованной, на обычно бледных щеках проступили красные пятна.

— Сретенский, ты слышал? — спросила она, присаживаясь на край соседнего стола и болтая ногой. — Про эту женщину из райкома?

Максим поднял голову и посмотрел на Лару так, словно только что заметил её присутствие. Прежде он бы покраснел, начал заикаться, отвёл взор. Теперь просто склонил голову.

— Что-то слышал, — произнёс равнодушно. — А что?

— Как что? — Лара наклонилась ближе, в зрачках горело возбуждение причастности к чужой тайне. — Она пропала! Вроде как её в последний раз видели где-то за городом, в Менделеево. А теперь никто не может найти. Все только об этом и говорят.

— А! — Максим дёрнул плечом. — Наверное, объявится. Может, к родственникам уехала и забыла предупредить.

— Не говори глупостей, — однокурсница покачала головой. — Она же не просто так — секретарь райкома! У таких людей каждый шаг расписан, они никуда не пропадают. Вон, Николай Петрович говорит, даже КГБ подключили.

Максим почувствовал, как пульс на мгновение сбился, но выражение лица осталось непроницаемым. Он тщательно выровнял стопку листов, постучав торцом о столешницу.

— КГБ? — переспросил, будто речь шла о чём-то малозначительном. — С чего такая честь?

— А ты что, не понимаешь? — Лара придвинулась ближе, голос понизился до шёпота. — Секретарь райкома — это же номенклатура. Такие люди не исчезают без следа. Вчера здесь были двое в штатском. Ходили по кабинетам, всех расспрашивали, кто её видел в последнее время. У Вероники Павловны просидели долго, потом директора трясли. И знаешь что?

— Что? — Максим приподнял брови, изображая вежливый интерес.

— Они про тебя спрашивали! — торжествующе выдохнула Лара. — Сказали, что ты последний из техникума, кто с ней контактировал по работе. Вероника Павловна им подтвердила, что ты отчёты носил регулярно.

Максим позволил себе лёгкую улыбку. Чем больше нарастала тревога, тем спокойнее он становился внешне. Ощущение было новым, незнакомым, но действенным.

— Да, носил, — кивнул. — Работа комсомольского секретаря. Но последний раз был больше недели назад, ещё до её исчезновения. Так что вряд ли могу чем-то помочь.

— А они не разговаривали с тобой? — Лара выглядела разочарованной.

— Нет, — встал и начал складывать документы в папку. — Наверное, решили, что от меня мало толку.

— Да уж, — однокурсница хмыкнула, и на мгновение в её речи прорезались прежние насмешливые нотки. — Вряд ли ты мог ей чем-то запомниться.

Когда-то такие слова заставили бы его сжаться, опустить взор, почувствовать себя ничтожеством. Теперь они скользнули, не задев. Он застегнул папку.

— Мне пора, — бросил. — Нужно отнести отчёт в райком.

— В райком? — Лара распахнула глаза. — Не боишься? Там же сейчас все эти из органов.

— А чего мне бояться? — безразлично мотнул головой, направляясь к выходу. — Я делаю свою работу.

Вышел из комнаты, бережно прикрыв за собой створку. В коридоре всё так же кучковались студенты, обсуждая новости. Максим шёл мимо них, впервые в жизни не сутулясь и не опуская взгляда. Обгоревшие кости в кабине, которые невозможно опознать без экспертизы. Водитель, который мог бы указать на Марию, мёртв. А в погребке дачи — живая и невредимая Мария Шлацкая, о местонахождении которой никто, кроме него, не догадывается. Что-то изменилось окончательно — не мысль, не решение, а положение тела, расправленные плечи, другой шаг.

Выйдя из корпуса, Максим вдохнул морозный воздух и двинулся к автобусной остановке.

Здание райкома встретило промозглым холодом и незнакомой тишиной. Ступени крыльца, по которым он поднимался десятки раз с трепетом и страхом, сегодня казались стёртыми плитами, и только. В кармане пальто лежала пачка «Явы», купленная по дороге, — первые в жизни он приобрёл сигареты не ради позы, а потому что захотелось почувствовать горечь дыма. Не закурил — просто сжал пачку пальцами.

Вахтёрша в синем форменном платье безучастно кивнула, даже не попросив показать билет. Ещё недавно он побаивался её цепкого взора, её права не пустить в учреждение. Сегодня она была просто усталой немолодой женщиной в холодном вестибюле.

Гардероб пустовал — несколько пальто на крючках с номерками. Старик-гардеробщик дремал на стуле, привалившись к стене.

Максим потянул за бронзовую ручку массивной створки, обитой коричневым дерматином, и на него пахнуло привычной смесью казённой бумаги, полироля, сигаретного дыма и чего-то ещё, чему не мог подобрать названия.

Коридор с линолеумом песочного цвета, протёртым до дыр на пути к кабинетам начальства, был нехарактерно пуст. В другие дни здесь сновали женщины с папками, толпились посетители, за приоткрытыми створками дверей стучали пишущие машинки. Сейчас шаги гулко разносились в безлюдном пространстве.

Из-за закрытых дверей доносились приглушённые голоса. «завтра на Ваганьково» — долетело из планового отдела. «венки от всего коллектива, как положено» — послышалось из помещения в конце коридора.

Когда он проходил мимо актового зала, дверь распахнулась, и навстречу вышли две женщины — одна постарше, в строгом сером костюме, другая помоложе, в синем платье с белым воротничком. Обе разговаривали вполголоса, но при виде Максима замолчали. Старшая оки-

нула его оценивающим взглядом, молча склонила голову и прошла мимо, увлекая за собой младшую. Каблуки звонко стучали по линолеуму, пока обе не скрылись за углом.

Максим продолжил путь. Прежде перед визитом в комитет он мысленно репетировал каждое слово, представлял, как будет отвечать на вопросы, как будет держать папку — не слишком крепко, чтобы не помять, но и не слишком слабо, чтобы не уронить. Теперь всё это казалось ненужной суетой. Шёл, не задумываясь о том, как выглядит со стороны.

Указатель «Приёмная секретаря РК ВЛКСМ» — чёрные буквы на белой табличке, без изысков. Дверь, в другие дни плотно закрытая, была приоткрыта. Из щели лился яркий электрический свет. Толкнул — и вошёл.

Приёмная оказалась безлюдной. Рабочее место секретарши, в другое время заваленное документами, газетами и календарями, выглядело нехарактерно опрятным — личные вещи убраны, оставлен необходимый минимум. Только старая пишущая машинка «Москва» напоминала о том, что здесь кто-то работал. В углу находился тёмно-зелёный сейф с круглой ручкой кодового замка.

Проход в рабочий кабинет Шлацкой тоже был нараспашку. Когда-то Максим допускался сюда на короткое время, с опущенной головой и заранее заготовленными фразами. Теперь подошёл и заглянул внутрь.

Кабинет выглядел почти таким же, как он его помнил. Массивный стол, кожаное кресло, тяжёлые шторы на окнах, портрет Ленина на стене. Но поверхность стола была пуста — несколько папок с грифом «Для служебного пользования», степлер, стакан с карандашами. Ни фотографии, ни записной книжки, ни календаря с пометками, которые она делала. Аромат её духов, всегда заполнявший помещение, выветрился — пахло полиролем и сыростью.

Выйдя из приёмной, Максим зашагал дальше по коридору — к вестибюлю третьего этажа, соединявшему два крыла.

Свернув за угол, остановился. На стене вестибюля, где прежде висел плакат «Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь!», теперь находилась фотография Марии Шлацкой в чёрной траурной рамке.

Снимок был официальный — из тех, что делают для личных дел и партийных билетов. Строгое лицо с правильными чертами, прямой взгляд, намёк на улыбку, скорее обозначенную, чем настоящую. Волосы уложены в классическую причёску — ни одной выбившейся пряди. На лацкане пиджака — комсомольский значок, блестящий даже на чёрно-белом изображении.

В этом образе не было ничего от той Марии, которую знал Максим — растрёпанной, с опухшей от слёз физиономией, кричащей проклятия из подвала. Здесь она была такой, какой хотела, чтобы её видели — с приподнятым подбородком, со взором, не терпящим возражений.

Под фотографией находилась маленькая ваза с увядшими гвоздиками. Лепестки побурели и опали на подставку. Никто не позаботился заменить цветы свежими.

Максим смотрел на снимок. Она выглядела живой на этой карточке. А настоящая Мария Шлацкая сидела сейчас в погребе бабушкиной дачи, завёрнутая в старое одеяло, с ненавистью глядя на люк, за которым скрывалась свобода.

— Трагедия, правда? — раздался голос за спиной.

Обернулся. Перед ним стоял человек в сером костюме — один из тех сотрудников, которых он встречал в коридорах, но чьего имени не знал.

— Да, ужасно, — ответил Максим.

— Грузовик разбился, — собеседник покачал головой, становясь рядом и глядя на фотографию. — Съехал с эстакады, перевернулся и загорелся. Говорят, температура была такая, что металл плавился. Тела — до неузнаваемости.

Максим кивнул, не сводя взгляда с карточки.

— Экспертиза ещё не закончена, но все понимают, что это она, — продолжил собеседник. — Её водитель показал, что высадил её на шоссе у поворота на посёлок — она сама попросила.

А потом вернулся — посмотреть, куда поедет. Переживал за неё. Видел, как она села в этот ЗИЛ. Совпадений не бывает, верно?

— Верно, — отозвался Максим.

— Такая молодая, перспективная — собеседник вздохнул. — Говорят, её в Моссовет планировали выдвигать. А теперь — поиски прекращают. Искать нечего.

Помолчал, затем спросил:

— А вы, собственно, по какому вопросу? Приёма сегодня нет.

— Отчёт, — Максим крепче сжал папку. — Библиотечный техникум. Секретарь организации.

— А, понятно, — мужчина качнул головой. — Плановые документы теперь Нине Васильевне несите, в двадцать второй. Она временно замещает — не договорил, только кивнул на рамку.

— Спасибо, — произнёс Максим и направился к лестнице.

Мария Шлацкая была официально мертва. Её больше никто не искал. И только он один знал правду.

Спускаясь на второй этаж, думал о том, что ещё несколько дней назад был никем — тихим, запуганным мальчишкой, которого не замечали даже однокурсники. А сегодня в его руках была судьба женщины, чей портрет висел в вестибюле в траурном обрамлении.

Нина Васильевна оказалась сухонькой старушкой с тщательно уложенной причёской и внимательным взглядом. Она приняла папку, записала его в журнале учёта и поблагодарила за своевременную сдачу документов. Голос её звучал ровно, деловито, без той нотки превосходства, которая всегда слышалась в речи Шлацкой.

— В следующий раз, молодой человек, проверяйте нумерацию страниц, — сказала, перелистывая отчёт. — Здесь в середине сбой. После семнадцатой идёт девятнадцатая.

— Обязательно, — ответил Максим. — Спасибо, что обратили внимание.

Выйдя из здания, достал из кармана пачку «Явы» и закурил — неумело, закашлявшись от первой затяжки, но с удовлетворением. Горечь табака на языке казалась уместной.

На ступенях парадного входа остановился, обвёл взглядом заснеженную площадь перед комитетом, памятник Ленину с вытянутой рукой, троллейбус, медленно ползущий вдоль обледеневшей дороги. Всё выглядело таким же, как всегда. Но с траурной фотографией в вестибюле что-то сдвинулось необратимо.

Он выбросил недокуренную сигарету и зашагал к автобусной остановке.

Электричка постукивала на стыках рельсов, покачиваясь из стороны в сторону. Максим сидел у окна, прислонившись лбом к холодному стеклу. Дыхание оседало на нём лёгкой пеленой, сквозь которую заснеженные поля казались размытыми, нереальными. Впервые за последние дни напряжение, сводившее плечи, начало отпускать.

Вагон был полупустым. Напротив дремала немолодая женщина в потрёпанном пальто, с авоськой на коленях. В дальнем конце двое мужчин негромко обсуждали цены на водку. Молодая мать укачивала заплаканного ребёнка, что-то шепча ему на ухо.

Сумерки за окном сгущались быстро, по-зимнему. Свет фонарей вдоль железнодорожного полотна пробивался сквозь начинающийся снегопад жёлтыми размытыми пятнами.

Максим прикрыл глаза. Каково это — видеть человека мёртвым, зная, что он жив? Официальный снимок в траурной рамке — строгий взгляд, безупречная причёска, едва заметная улыбка — не имел ничего общего с женщиной в подвале. Обществу предъявили смерть, и оно приняло её как факт, возложив у фотографии увядшие гвоздики.

Никто не станет искать живую женщину, когда на столе судмедэкспертов лежат обгоревшие останки с места аварии. Ни один следователь не усомнится в показаниях шофёра, видевого, как его начальница садится в грузовик. Ни одна проверка не придёт на дачу, не заглянет в

погреб, где бабушка когда-то хранила варенье из яблок, а теперь сидит пленница — женщина, которую оплакивает весь комитет комсомола района.

Электричка сбавила ход перед небольшой станцией. За окном проплыла будка стрелочника, покосившийся забор, выцветший плакат «Экономика должна быть экономной» и платформа с одиноким фонарём. Несколько человек ждали на перроне, переминаясь с ноги на ногу от холода.

Створка вагона с шипением открылась, впустив облако морозного воздуха. Вошли двое — мужчина в тулупе и молодая женщина в платке, повязанном по-деревенски, с закрытым лбом. Максим скользнул по ним взглядом и снова повернулся к окну. Прежде смотрел бы в пол, боясь встретиться глазами с незнакомцами. Теперь же просто не испытывал интереса.

Его не искали. Не подозревали. Все пути, ведущие к преступлению, отрезаны. Нелепая случайность — скользкий путепровод, неисправные тормоза — и он свободен.

Впервые за эти дни он мог думать ясно. То, что началось как катастрофа, обернулось иначе. Он больше не был мальчишкой, совершившим непоправимую ошибку и в ужасе ждущим наказания. Он стал человеком, у которого появился выбор — и это ощущение было новым, незнакомым, пугающим в своей простоте. Жизнь, в которой он контролирует ситуацию, а не она — его.

А ещё — Мария. Она больше не была властной начальницей, способной уничтожить одним словом. Официально мёртвая, похороненная в общественном сознании. Каждый её вдох был его подарком. Каждый кусок хлеба — его милостью.

Электричка начала тормозить, приближаясь к платформе Фирсановки — ближайшей к посёлку станции. Максим собрал вещи — сумку с продуктами, купленными в универсаме, и старый портфель с документами и сменной одеждой. Вагон понемногу пустел — вышла молодая мать с ребёнком, женщина напротив продолжала дремать, а мужчины в дальнем конце достали бутылку «Столичной» и два гранёных стакана.

На перроне было пусто и тихо. Снег продолжал падать. Свет единственного фонаря едва пробивался сквозь снежную пелену. Максим зашагал к Менделеево, чувствуя, как снежинки тают на разгорячённом лице. Дорога была знакома с детства — два километра по просёлку среди полей, поворот в лес, ещё километр по узкой тропинке среди деревьев, и вот уже видны первые дома дачного посёлка.

Ветер шевелил верхушки сосен, создавая мягкий, ровный шум. Под ногами поскрипывал снег — единственный звук в зимнем безмолвии.

Дача встретила его тёмными окнами и скрипом калитки. Максим не спешил зажигать свет — сначала обошёл дом, проверяя, всё ли в порядке. Запертые ставни, занесённое снегом крыльцо, сугроб возле сарая. Ни одного постороннего следа.

Открыл дверь и вошёл. Щёлкнул выключателем — тусклая лампочка под потолком осветила знакомую обстановку: стол, покрытый клеёнкой, старый сервант с посудой, диван с продавленными пружинами, печь, давно остывшую. Холод пробирал до костей. Нужно было первым делом растопить, но вначале прислушался. Из подвала не доносилось ни звука — тишина. Либо Мария спала, либо затаилась.

Он действовал методично. Сначала растопил печь — газеты, щепки, поленья, сложенные для лучшей тяги. Когда огонь разгорелся, достал из сумки продукты: хлеб — чёрный и белый, две банки тушёнки, пачку вермишели, три яблока, бутылку подсолнечного масла, соль. Разложил на клеёнке. Поставил чайник. Достал большую эмалированную кастрюлю и налил воды из колодца — нужно было с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.